Галина Романова
Записки провинциального некроманта.
Как не потерять работу
Думай о хорошем! И готовься!..

Галина Львовна Романова

Как не потерять работу

Серия «Записки провинциального некроманта», книга 2

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4958634
Записки провинциального некроманта. Как не потерять работу: Фантастический роман: Альфа-книга; Москва; 2012
ISBN 978-5-9922-1329-4

Аннотация

Начало было многообещающим: ты один, в чужом городе, и в твою дверь стучится прекрасная незнакомка, умоляя о помощи. Только вот просит она другого человека – того, чьим именем тебе пришлось назваться. И зовет с собой в старинный замок, где с недавних пор творится что-то странное… Как интересно!

Но, отправляясь в путь под чужим именем, скромный провинциальный некромант Згаш Груви и не подозревал, что подземный некрополь таит в себе нечто более зловещее, чем неупокоенный мертвец. Что впереди его ждут такие приключения, при которых крайне важно не потерять себя, не говоря уж о работе!

Содержание

Пролог 4
Глава 1 7
Глава 2 20
Глава 3 33
Глава 4 45
Глава 5 57
Конец ознакомительного фрагмента. 68

Галина Романова
Как не потерять работу

Пролог

Перышко прилежно скользило по пергаменту, но стоило бросить взгляд за окно, как оно замедлило свое движение и совсем остановилось.

А красивый отсюда открывается вид! Со второго этажа можно рассмотреть поросший разнотравьем склон, спускающийся к реке с берегами, густо покрытыми зарослями ивняка. На другом берегу до самого горизонта раскинулись луга и перелески, где бродит стадо. Вдалеке виднеется небольшая деревенька. Большие Звездуны находятся в другой стороне, но если встать у окна, то справа можно увидеть Малые Звездуны…

Спрашиваете, что это такое? Большие Звездуны – простой провинциальный городок, каких много на карте страны, за свою долгую историю несколько раз переходивший из рук в руки. Сначала им владело семейство графов Масов, пока лет двести назад, когда никого из совершеннолетних представителей старой династии не осталось в живых, его не забрали себе Байты, их дальние родственники. Лишь в прошлом году удалось восстановить справедливость и вернуть Большие Звездуны с пригородами прежним владельцам. Но для этого мне и моему непосредственному начальнику пришлось изрядно потрудиться.

Спрашивается – кому? Автору этих строк, скромному провинциальному некроманту Згашу Груви, прошлогоднему выпускнику Колледжа Некромагии без отличия, но зато с действительным дипломом, прошу любить – и не жаловаться. Вообще-то мне здорово повезло, что местному городскому некроманту мэтру Рубану Куббику срочно понадобился помощник. У меня не было никаких шансов нормально начать свою карьеру: Колледж Некромагии за последние годы выпустил столько представителей этой профессии, что между некромантами развернулась нездоровая конкуренция за место под солнцем.

Один такой недоучка – барон Гебриан Чернореченский, отчисленный за грубейшие ошибки на экзамене, прикончил своего сокурсника, а потом потребовал, чтобы профессора сделали из него упыря! – как раз и вознамерился стать главным городским некромантом в Больших Звездунах. Он выбрал этот город потому, что именно здесь его младшая сестрица, леди Гемма Чернореченская, была замужем за наследником имени и титула графов Байтов, Ладианом. Эта парочка ни больше ни меньше хотела убить двух зайцев одной стрелой – избавиться сразу и от нынешнего некроманта Рубана Куббика, и от тогдашнего градоправителя, поставленного графиней Лавиной Байт над городом, Анджелина Маса… Имя знакомое, да? Точно! Анджелин был последним представителем некогда многочисленного и славного семейства графов Масов. Хотя почему «был»? Он и сейчас им остается и по-прежнему правит городом, только уже от своего имени. История получила огласку, приезжал королевский дознаватель, который и передал Анджелину Масу бразды правления, а через некоторое время – и возвращенный титул графа со всеми привилегиями.

Всему этому мне довелось быть свидетелем, и, помнится, сначала не понравилось, что тут происходит… Ну и парочку ошибок я тоже допустил, сгоряча начав воскрешать всех подряд. Дошло до того, что пришлось усомниться в правильности выбранного пути. Я даже написал заявление об уходе. Градоправитель заставил меня отработать до конца сезона – и хорошо сделал. Ибо, задержавшись тут против воли, в результате я получил не только оплачиваемую работу, но и признание, дружбу кое с кем из сильных мира сего и… женился. Моя жена, она…

Тихий скрип ступенек прервал ход мыслей. На пороге комнаты остановился мэтр Рубан Куббик, мой напарник, ибо с прошлой осени я перестал быть только помощником и стал его полноправным партнером.

При взгляде на этого сорокалетнего человека никто не скажет, что он – некромант. Обычный мужчина, крепкого сложения, с простым лицом, он даже одевался не в черное, как, считают обыватели, должны одеваться некроманты, а щеголял в одежде горожанина средней руки. Если бы не знак гильдии – индивидуальный амулет на цепочке – да ритуальный кинжал в ножнах на широком, украшенном бляхами поясе, его принимали бы за зажиточного ремесленника. Неудивительно, что, когда я приехал, горожане просто-напросто отказывались объяснять мне, где он проживает: ни сам мэтр Куббик, ни его двухэтажный каменный дом на отшибе не производили впечатления «гнезда некромансеров». Для всех это был еще один сосед, любитель кошек и самогонки, настоянной на травах. Я, впрочем, не лучше: явившись глубокой ночью, ухитрился перепутать будущего начальника с упырем. Мы даже подрались…

– Чем вы занимаетесь, Згаш? – поинтересовался мэтр.

– Да так… ничем особенным.

– Мемуары? – Мэтр подошел и заглянул через плечо. – Не рановато ли? В вашем возрасте? Вам всего двадцать четыре и… Молчу-молчу! – Что-то в моих глазах было такое, отчего мэтр отступил на шаг и вскинул руки. – Понимаю, за последний год вам пришлось пережить столько, сколько не снилось никому из ваших ровесников! Взять хотя бы весенние события…

– Не надо! – вырвалось у меня против воли.

– Надо, – мягко перебили в ответ. – Вам, Згаш, надо взять себя в руки и описать все это… Поверьте, станет легче!

– Я не писатель!

– Напишите как умеете! Ваш отчет о том, как вы расследовали историю преступлений Гебриана Чернореченского, внесли в городскую летопись практически без изменений… Разве что имя переправили…

– На Дей Долл, – вспомнил я.

– Да. Хотя бы потому, что в материалах следствия упоминалось, что барон Чернореченский собирался жить и работать на моем месте именно под этим псевдонимом. И, кроме того, его семейство настаивало на таком варианте. Никому не охота признавать, что в их роду имеется преступник. Обычно это стараются замалчивать…

– И поэтому отдуваться за всех пришлось мелкой сошке, этому лейтенанту Винту, – вспомнил я городского стражника, который шпионил за Анджелином Масом для леди Геммы и ее брата.

– Увы! Но приговор оглашен, и никто ничего менять не намерен, – припечатал мэтр Куббик. – Я чего зашел… Если вы в порядке и не слишком заняты, займитесь наконец Динкой. Я уезжаю на весь день, а вы остаетесь за старшего, так уж присмотрите, чтобы девчонка хотя бы книги почитала. А то ее Гражина опять к домашнему хозяйству припряжет…

Я кивнул, глядя на лист пергамента, где красовалось несколько строчек. Динка… Хуторская девчонка, в которой неожиданно обнаружился дар настоящей волшебницы. Позволить ему пропадать не хотелось, но платить за ее обучение было некому, так что мы с напарником взяли девочку к себе и по очереди учили грамоте и остальным наукам. Придет время, и Динка хотя бы сможет заниматься знахарством, то есть делать то, для чего рождена.

– И хватит сидеть взаперти! – снова ворвался в мысли голос мэтра Куббика. – Жизнь продолжается несмотря ни на что… Весна кончилась, уже давно лето! Пора начать думать о настоящем, если будущее вас пока тревожит.

– Очень тревожит, – буркнул я.

– Ничего, вы справитесь! Я в вас верю!

Мэтр вышел и, прибавив: «Скажите Гражине, что буду поздно!» – стал спускаться по лестнице.

А я вздохнул и обмакнул перо в чернила. Может быть, он прав и, стоит доверить пергаменту описание событий недавнего прошлого, мне действительно станет легче дышать?

Глава 1

– Ну вот так! – Колышек отточенным движением вонзился в грудь между пятым и шестым ребрами. – Теперь не встанет!

– Точно так?

– Точнее не бывает! – Я присел на корточки возле трупа, осторожно осматривая его. Обычное на первый взгляд бледно-серое тело, несколько недель пролежавшее в снегу. Выглядит как новенькое, даже трупных пятен нет, почему и возникло подозрение. – Мы работаем с гарантией!

– А точно это того… ну она?

Заказчики опасливо топтались в сторонке.

– А кто?

Невинный вопрос поставил хуторян в тупик. Как по команде они полезли чесать затылки.

– Ну это как же… Коли так… Чего уж… – послышались бормотания.

– Вот и ладушки. – Я встал, отряхивая ладони. – Можете грузить и везти хоронить.

На ладонях остался трупный запах, и я набрал полные пригоршни весеннего колючего снега, вытираясь. После чего попятился, уступая место мужикам, которые бочком стали спускаться в неглубокий овражек, где валялось тело.

Весна в этом году выдалась поздняя, но дружная; еще вчера сугробы доставали до пояса, и каждый день начинался с того, что приходилось заново протаптывать тропинки к калитке и на конюшню, а сегодня уже все растаяло. Поля очистились от снега за считаные дни, в городе он исчез того быстрее, и из сугробов полез весь мусор: доски, тряпки, дохлые крысы, оброненные рассеянными прохожими мелочи, «подснежники»…

Бесхозных трупов, когда случайно умерший, замерзший или убитый грабителями прохожий был до весны занесен снегом, а потом оттаял, в этом году было не больше и не меньше, чем в прошлые разы, но из-за стремительно наступившей весны казалось, что они лезут практически отовсюду. С начала оттепели это был уже восьмой вызов – непогребенные тела с приходом весны превращались в упырей и атаковали людей и животных. В холодное время года личиночная стадия, за время которой «простой» покойник превращался в упыря, увеличивалась с девяти дней до двух месяцев, так что попадались тела разной степени разложения. Хорошо, если как в хуторе Веселом (вот такое оригинальное название), успели вовремя заметить готовую к вылуплению *личинку* и вызвали некромантов. Еще бы день-два, и было поздно!

Кстати, далеко не каждый вовремя не погребенный труп становился упырем. Но перепуганным прошлогодним нашествием оживших мертвецов людям нежить мерещилась повсюду. Вот и приходилось тратить осиновые колья на проделывание дырок в совершенно безвредных покойниках! Эти колышки, между прочим, вещица одноразовая!

Бормоча заговоры от дурного глаза, хуторяне выволокли труп раздетой до исподнего простоволосой женщины и, кое-как замотав в дерюгу, свалили на подводу. Мне никто не подал руки, чтоб помочь выбраться из оврага, да и немудрено – побаиваются у нас люди представителей моей профессии. А сельский некромант – личность нужная. Если бы не я… ладно-ладно, *если бы не мы* с моим напарником мэтром Рубаном Куббиком, тут прошлой осенью такое было бы…

День тогда был выходной, один из дней традиционной осенней ярмарки, когда на седмицу в город съезжаются хуторяне со всей округи – что-то продать, что-то купить, обменяться новостями, поглазеть на заезжих артистов, просто выпить пива в кабаке. Площадь

перед ратушей была заполнена народом, и высыпавшие на площадь горожане своими глазами увидели, как раскрываются тяжелые ворота расположенного возле храма Свентовита жальника, и оттуда, покачиваясь и поминутно цепляясь друг за друга, выходят полуразложившиеся мертвецы.

Зрелище было то еще. Накануне у заговорщиков кое-что пошло не так: виконт Ладиан Байт, муж леди Геммы и наследник имени и титула, вызвал на дуэль Анджелина Маса и был им убит. Расследовать это дело прибыл королевский дознаватель, но накануне главный подозреваемый, который мог бы поведать ему правду, загадочным образом «внезапно» покончил с собой… То есть покончил бы, если бы не некий молодой некромант, спасший градоправителю жизнь. Понимая, что ситуация выходит из-под контроля, Гебриан Чернореченский поднял с храмового жальника всех мертвецов и двинул их на ни в чем не повинных людей. Как ни странно, помогал ему в этом старый первосвященник храма Свентовита, когда-то давным-давно, слишком давно для обычного человека, тоже закончивший Колледж Некромагии. Эти два некроманта – бывший и будущий – готовы были потопить город в крови.

Мне тогда пришлось встать у них на пути. Как сейчас помню «Дея Долла» в черном плаще и кольчуге, в шлеме, закрывающем лицо, на вороном коне во главе воинства мертвяков. Как наяву вижу, стоит закрыть глаза, как он вдохновенно размахивает руками, пытаясь управлять этой толпой – и старого пра, который на самом деле и был здесь главным и лишь использовал молодого глупца. Старику я остановил сердце, а оставшегося без поддержки Гебриана Чернореченского в два счета чуть было не разорвали упыри. На суде он красовался в бинтах, из-под которых виднелись только глаза. Наверное, шрамы до сих пор не сошли и он живет в родовом замке, не рискуя даже родным лишний раз попасться на глаза…

Привязанная в сторонке кобыла повернула голову, наблюдая за хозяином. Красивая мне досталась лошадка, не то что старый мерин, на котором я ездил прошлой осенью! Соловой масти длинноногая красавица из графских конюшен, подарок Анджелина Маса, обладала сложным характером: как и все красивые женщины, она была убеждена в своей исключительности и не могла смириться с тем, что ей отныне придется носить на себе какого-то некроманта.

«Ну, и долго нам тут стоять? – читалось в лошадиных глазах. – Мне скучно!»

– Сейчас поедем, – промолвил я, убирая в седельную сумку инструменты – свечу, толстую книгу заклинаний, моток веревки из крапивы. Остальное давно уже рассовано по карманам.

Хуторяне о чем-то переговаривались, и я краем уха прислушивался к их голосам.

– Да Хвеська это, неужто не поняли?

– Откуда? Рожа-то вся какая… И мать родная не признает!

– Это какая Хвеська? Поярова женка, что ли? С Нижнего хутора?

– Она самая… Глянь!

– Ого! Точняк, она, робя! Пояр в том месяце все плакался, что, мол, ушла его баба по воду и не воротилась.

– А то ты Пояра не знаешь? Сам небось самогона напился, да и выгнал ее из дому в чем мать родила. А ее сеструха как раз у нас, в Веселом, замужем живет. Вот Хвеська небось побрела к ней, да, видать, в сугробе и замерзла… Самую малость не дошла!

– Да уж… Вот ведь жизнь-то какая… Детки небось…

– Нет… Не прижили они с Пояром детей. Вот он и лютовал. А ежели б Хвеська хоть одного понесла, жили бы себе и жили, горя не знали!

Хуторяне понизили голос, переходя на шепот.

Я медлил, поневоле прислушиваясь к разговору. О чем они там могут шептаться? О размерах моего гонорара или перемывают косточки мужу покойницы? Так уж вышло, что и

моя семейная жизнь не слишком ладилась. Нет, не подумайте чего плохого! Я жену люблю. Просто… видимся мы редко. Могла бы и почаще вспоминать, что у нее законный супруг имеется! Она у меня хорошая, но…

– Господин некромансер! – отвлек от размышлений голос.

Как же я не люблю, когда коверкают название моей профессии! Неужели так трудно запомнить?

– Чего? – Взгляд сам собой скользнул к рукам мужика. Нет, без денег…

– Вы бы это… ну… с нами до хутора проехались бы?

– Зачем? Ее теперь на погост надо – отпеть и похоронить. Если все обряды соблюсти, даже не придется лишние деньги тратить и второй раз специалиста нанимать, чтобы нейтрализовали могилу, – откровенно намекнул я на материальное вознаграждение. – Это, между прочим, обойдется в полтора раза дороже, чем первый вызов!

– Да там это… того… – хуторянин обернулся на остальных мужиков, – дельце там небольшое есть!

Я посмотрел на солнце. Жарит по-весеннему! Полдень только что миновал, времени достаточно, погода хорошая, срочных вызовов вроде нет, так почему бы, в самом деле…

– За отдельную плату!

– Само собой, господин некромансер! Само собой!

Подвода и шагавшие рядом мужики уже двинулись в сторону хутора. Дорога раскисла, завернутый в дерюгу груз качался на ухабах и ямах, и казалось, что покойник ожил и пытается размотать ткань, в которую его обернули. Каждое случайное движение заставляло хуторян шарахаться в стороны, но я спокойно шагал рядом, ведя кобылу под уздцы, и ненапускное спокойствие «спицилиста» заставляло окружающих успокаиваться тоже.

Хутор Веселый представлял собой скорее маленькую деревеньку – четыре дома с надворными постройками были окружены одним большим забором. Рядом были пристроены загоны для скота и огороды. Чуть в стороне, за огородами, виднелась парочка домов поменьше и поскромнее – обычно там, отдельно от хозяев, селятся семейные батраки. Хозяйство у них, как правило, невелико: одна-две коровы, несколько кур или уток, иногда свинья или пара овец. Редко кто имеет лошадь. А куда еще-то? Все равно работа на хозяина отнимает много времени и просто некогда обихаживать столько живности. Рано или поздно такие батраки все-таки отделяются, заводят свое хозяйство, подрастают и строят свои дома их дети – и, глядишь, через два-три десятка лет вместо хутора стоит деревенька.

Мне думалось, что «небольшое дельце» состоит в том, чтобы сопроводить покойника в последний путь, дабы проследить, чтобы все обряды были справлены честь по чести, и «запереть» его, окончательно обезопасив людей от умертвия. Сначала так оно и было. Пришлось тащиться до погоста, находившегося примерно в паре верст дальше, на окраине большого села. Там с умным видом постоять над могилой, прочесть несколько строк стандартного заклинания и, после того как покойницу засыпали землей, трижды обойти посолонь[1] могилу, посыпая землю смесью толченого перца, пепла осины и сушеной петрушки. Откуда мэтр Куббик вычитал рецепт этого «зелья», оставалось тайной, но оно работало! Во всяком случае, из могил, «обработанных» этой смесью, еще никто не пытался вылезти.

По возвращении на хутор ожидалось, что я получу наконец причитающуюся плату и отправлюсь восвояси. Но людям свойственно ошибаться.

– Прошу вас, господин некромансер, пройдите-ка немного!

Что, опять?

– Далеко?

– К ручью!

[1] **Посолонь** – по ходу солнца, справа налево. – *Здесь и далее примеч. авт.*

Означенный ручей протекал в глубоком овраге за хутором. Склоны его были такими крутыми и так густо поросли ивами, что оставалось лишь дивиться, как люди терпят его соседство. Ведь если с кручи сверзится корова – пиши пропало. Да и пьяный мужик, свалившись туда по зимней поре, рискует замерзнуть насмерть. Впрочем, судя по следам на коре молодых деревьев, овраг этот сильно привлекал коз, так что, наверное, какая-никакая выгода имелась.

Идти пришлось вдоль края оврага, косясь на открывающуюся внизу панораму. На поверхности уже царила весна, но на дне оврага лежал снег. Серая ленточка оттаявшего ручья извивалась между сугробами. Слышалось журчание воды, звонкие вопли птиц, вкусно пахло землей, свежестью и, как ни странно, травой. Светило солнце. Жизнь была прекрасна. Это неправда, что некроманты – мрачные типы, которым по душе сплошь ночь, кладбища и трупы. Мы же не виноваты, что у нас такая работа, а люди любят мыслить стереотипами.

Примерно через полверсты овраг превратился в небольшой котлован, на дне которого серым пятном выделялся прудик, окруженный деревьями и кустами. Склоны тут были более пологие – можно спуститься, не рискуя переломать ноги-руки. Судя по всему, пруд был образован насыпью, которая разделила овраг на две половины, преградив ручью путь. Узкая тропинка вела вниз, к шаткому дощатому мостику, по которому только пешком и идти, и поднималась на противоположный склон.

– Далеко еще?

– Пришли уже, господин некромансер.

Сопровождавший меня хуторянин широким жестом пригласил пройти первым. Ладно. Если он вздумает напасть со спины, я успею почувствовать замах и защититься.

– В овраг?

– На ту сторону. Во-он, видите? Хибарка в зарослях?

А ведь и правда! На той стороне оврага, за кустами, действительно что-то темнело. При ближайшем рассмотрении оказалось, что это крыша глубоко вросшего в землю серого от времени сруба. Плетень кое-как отгораживал его от остального мира, кроме той стороны, где кустарник был гуще. Тропа вилась мимо сруба, уходя в поля вдоль противоположного склона оврага.

– А что там?

Хуторянин замялся, выдавливая слова буквально по слогу.

…Ведун поселился там давно – лет десять уже тому как, если не больше. Откуда он пришел – неизвестно. Спрашивать было боязно, сам он про себя ничего не рассказывал. Просто пришел, просто попросил мужиков помочь подлатать протекавшую крышу и переложить очаг. Денег при себе у него было немного, так что по первости он платил, а потом сам стал брать плату – больных пользовал, дельные советы давал, урожай заговаривал, скотину лечил, гадал. Всего помаленьку. Денег почти не брал, но от еды и всякой утвари-рухляди не отказывался. Своего хозяйства за десять лет не завел. Был конь – он его продал. Была собака – околела от старости. Завел как-то кур, да всех зимой и перерезал. К нему за помощью и советами со всех окрестных хуторов и деревень приходили и приезжали. Он всем помогал.

До недавнего времени. Ибо вот уже несколько дней дверь дома оставалась закрытой. Гадая о будущей весне – когда наступит, не пора ли сеять, – к нему несколько раз приходили люди, но ведун не показывался. Снег возле дверей был нетронут, свежих следов не заметно, и люди терялись в догадках, что же произошло. Вот и решили воспользоваться случаем и отправить «на разведку» приезжего некроманта. Дескать, если что случилось, то пусть он сам разбирается – небось одного поля ягоды.

– Да заодно бы, это… ну… ежели уж поздно, – хуторянин аж вспотел, – сделайте так, чтоб он нам не слишком-то вредил… опосля кончины-то, а? Сделаете?

– Посмотрим, – ответил я.

Внутри бушевали противоречивые чувства. Да, всем известно, что ведуны и колдуны умирают тяжело. Иной мучается несколько дней, пока не найдет, кому передать свою силу. А коли такое все-таки происходит, умерший колдун или ведун – или маг, тут разницы никакой – становится беспокойником. И от такого неупокоенного мертвеца избавиться намного сложнее. Собственно говоря, я в принципе не уверен, что смогу одолеть его в одиночку.

…Но каковы эти хуторяне! Самим, значит, было боязно нос сунуть, узнать, что с человеком случилось, а как жареным – то есть тухлятиной – запахло, сразу засуетились. А если ему помощь была нужна? Хотя бы кружку воды подать… А ведун в некотором роде мой коллега – оба имеем дело со сверхъестественным, оба так или иначе служим людям. Правда, у некромантов есть цех[2], а ведуны сами по себе, но сути дела это не меняет.

Пальцы плотно сомкнулись на рукояти ритуального ножа. Эх, жаль, меч оставил возле седла! Впрочем, он простой, против нежити мой ножичек подходит куда больше. Та-ак… Подходим к калитке… Пока все тихо…

Снег почти везде растаял, но все равно свежих следов присутствия человека отыскать не удалось. Видимо, правда, обитатель дома уже несколько дней не показывался наружу. Что это значит? Одно из двух. Либо у него уже нет сил дойти до порога, либо он пока еще не хочет этого делать.

– Сколько прошло дней?

– А? – Хуторянин аж подпрыгнул, роняя шапку, которую все это время тискал в руках.

– Сколько времени прошло с тех пор, как ведуна видели в последний раз?

– Ну-у… э-э… Седмицы две. На Комоеды[3] его звать хотели, чтоб, значит, он священный костер заговорил. В начале седмицы к нему заходили, приглашали. Он обещался быть, да не зашел… К нему тогда ходили – вот и приметили, что снег на дворе следами не тронут…

На Комоеды, значит… Больше двух седмиц миновало. Считай, уже три, если вспомнить, что приглашение передавали за несколько дней до самого праздника. Значит, если верны самые худшие предположения, там сейчас готовится к вылуплению беспокойник. Полдень миновал. Шанс есть, тем более что на лезвии ножа не проступило никаких знаков, предупреждающих об опасности. Что ж, тем лучше. Возможно, моя роль еще проще – надо лишь проколоть родник жизни, нарушая его целостность и отпуская душу, и нейтрализовать труп. Укол осиновым колом и несколько строчек заговора, потом костер – и все дела.

Несколько раз глубоко вздохнув и сосредоточившись, крепче стиснул в руке нож и свободной рукой толкнул дверь. Расслабляться не стоит. Мало ли…

Внутри было темно – крошечное окошко едва пропускало свет, а дверь пришлось прикрыть, чтобы лишить нежить шанса выбраться на свободу. В ноздри ударила ядреная смесь запахов – пыли, дыма, плесени, нечистот, давно не мытого тела, прокисших щей. Какой контраст с ароматами весны за порогом!

Когда глаза немного привыкли к темноте, осмотрелся по сторонам, оставаясь на пороге. Сеней как таковых в доме не было – только тесный «предбанник», где была кое-как свалена какая-то рухлядь. В самой полуземлянке было тесно – сложенный из камней очаг, ларь с добром, лавка, стол. И тело на лавке.

С первого взгляда было заметно, что моя помощь как некроманта не нужна. Ибо ведун был еще жив. Присутствия Смерти не ощущалось. Чтобы я – и не почувствовал свою жену? Откровенно говоря, меня это слегка огорчило. С одной стороны, хотелось лишний раз повидаться с нею, а с другой, если в моих услугах не нуждались…

---

[2] **Цех** – аналог современного профсоюза. В городах все мастера одной профессии объединялись в цехи, которые зачастую играли большую роль в управлении городом.

[3] **Комоеды** – праздник проводов Зимы. Как правило, последний день праздничной седмицы совпадает с днем весеннего солнцеворота.

– Ты…

Голос тихий, как дуновение ветерка.

– Пришел… зачем?

– Позвали, – наугад брякнул я.

– Они?

Почему-то не было сомнений, что речь идет о хуторянах.

– Да.

– Зачем?

– Боятся…

– Ты… кто?

Лицо в темноте кажется белым, глаза на нем подобны двум провалам.

– Згаш Груви. Некромант…

– Некромант. – Послышался тихий смешок, похожий на кашель и всхлип одновременно. – Боятся… чуют… смерть…

Я невольно бросил взгляд по сторонам. Странно – они чуют. А я – нет!

– Ее здесь нет!

– Знаю. Пока нет… подойди, некромант…

Пальцы на ноже свело судорогой, но ноги сами сделали три шага. От распростертого на лавке, укрытого старым полушубком тела исходил тяжкий дух. Сколько же он не вставал с постели и ходил под себя, не имея сил даже повернуться на бок? На полу – пустая кружка. Пахнет мышами и плесенью. Осунувшееся лицо какое-то мертвое, взгляд ввалившихся глаз пустой.

От «ароматов», исходивших от болящего, слегка замутило. Не то чтобы потемнело в глазах, но дыхание на всякий случай пришлось задержать. Нутряная болезнь, видимо, разъедала ведуна уже давно, и сейчас это тело разлагалось заживо.

Худая рука с узлами проступивших вен приподнялась над постелью.

– Дай… руку…

Э нет! Мы ученые! Знаем, зачем колдуны вот так тянутся к живым!

– Да не бойся ты! Нет уже их… сил-то… Просто… помоги…

Собрав волю в кулак, сделал последний шаг и протянул руку. Дрожащие пальцы не сразу нашли мою ладонь, сжали. Силы в этом пожатии не было никакой – младенец хватается и то крепче!

– Слушай меня… некромант, – послышался слабый голос, – мне немного осталось…

– Это уж не нам судить… – пробормотал себе под нос.

– Не перебивай! Я… ее чувствую…

Странно, а я до сих пор нет! Дорогая, ты скоро? Мне долго сдерживать дыхание трудно!

– Ты… смелый… пришел… Не испугался! Они – трусы… Хочу тебе помочь…

Что? Ущипните меня!

– Помогу, чем смогу… Только позови…

Интересно, как он это себе представляет?

– Только сейчас… помоги уйти!

Ого, вот это да!

Сказать по правде, эта просьба была… ну, мягко говоря, странной. Ибо выполнить ее можно было двумя способами. И если с первым справится любой мужчина – топором по темени, и вся недолга! – то для второго как раз и требуется некромант. Заключается он в том, чтобы поступить с живым человеком, как с настоящим упырем: осиновый колышек в сердце, заклинания, охранные круги и прочее. Душа убитого, покидая тело, тем не менее остается в этом мире, но, в отличие от призраков, ничем себя до определенного момента не проявляет. Что это за момент, как правило, оговаривается до совершения действа. Многие

некроманты таким образом создают себе целую армию слуг, вселяя потом души либо в подходящие мертвые тела, сообщая им подобие жизни, либо в неодушевленные предметы. Так что если где-то в книге встретите меч, наделенный душой, знайте – обрел он ее именно так. Но вот чтобы добровольно пойти на такое дело, доверившись первому попавшемуся «специалисту»? Это кем же надо быть?

– Ты… сделаешь это?

– Но зачем?

– Я больше не могу…

Что ж, тут не поспоришь. Его душа не может покинуть тело, пока не отыщет преемника силы. А тело уже практически мертво и начинает разлагаться. Да и сила… Вот не чувствуется ее присутствие – и все тут! Следы – передо мной был действительно ведун – ощущались. А вот что-то такое, что можно было передать преемнику…

– Ты… мне поможешь… уйти?

– Я некромант, – говорить, задерживая при этом дыхание, было проблематично, – если я сделаю то, о чем вы просите, я…

– Знаю… ты – мне, я – тебе… Поможешь?

Ого! Мне тут добровольный помощник буквально напрашивается! Сколько некромантов именно из-за этого имеют неприятности с законом, ибо насильно завладевать чьей-либо душой нельзя. Но, если все сделано добровольно, по личной просьбе «душевладельца», так почему бы и нет? Тем более что любой допрос покажет, что все было именно так – врать души не умеют. Отказываться от такого дара? Не хочется. Другой вопрос – а зачем мне эта душа? Для нее нужно как минимум подобрать соответствующее вместилище…

А, ладно, была не была!

– Сейчас.

Помнится, когда-то мой начальник уже отпускал душу какого-то старика в больнице, еще прошлым летом, в начале моей карьеры. Но там была душа самого обычного человека, а здесь ведун.

Задрав на тощей груди рубаху и мысленно приказав себе не быть брезгливым – давно ли на практике трупы в городском морге препарировал! – я кончиком ножа осторожно начертал на коже умирающего необходимые знаки, стараясь не делать надрезы слишком глубокими. Покончив с этим делом, убрал нож и простер над телом руку.

Линии набухли кровью. Ладонь окутало жаром. Несколько секунд я терпел, а потом резко сжал пальцы правой руки в кулак, а левой рукой резко забил осиновый кол умирающему в грудь.

Откуда-то вспорхнул крупный серо-бурый мотылек и бестолково заметался по темной комнате. Подхватив с пола кружку, я кинулся ловить насекомое. Оно быстро отыскало источник света и отчаянно забилось в оконце. Накрыв его кружкой, осторожно взял мотылька в горсть и тихо дунул, погружая его в сон. После чего достал платок и завернул в него добычу. Теперь следовало как можно аккуратнее донести его до дома и там положить в укромное местечко.

Мертвое тело ведуна распростерлось на лавке. Ручаюсь – в последние мгновения жизни он не испытывал боли. Не утруждая себя обыском, разбросал на полу дрова и все найденное тряпье, добыл огонь, дождавшись, пока язычки пламени неохотно примутся разгораться, и после этого тихо вышел наружу.

Яркие краски весны, синее небо над головой, набухающие на ивах почки, желтые пятнышки гусиного лука и синие пролески, первые зеленые травинки, звонкие птичьи голоса – вся эта буйная жизнь оглушила меня в первый миг. И я прислонился в двери, дыша полной грудью, не сразу заметив, что кругом полно зрителей. К хуторянину успели присоединиться

человек десять любопытствующих – не рискуя подходить близко, они топтались поодаль и пожирали меня глазами.

– Ну чего там, господин некромансер? – не выдержал молчания кто-то из них. – Живой он али как?

– «Али как!» – передразнил я, выпрямляясь. – Помер ведун.

– Как? – чуть ли не хором охнули все. – Как – «помер»?

– Как-как… – Я прижал ладонью карман, где лежал завернутый в платок мотылек. – Как все. От лютой смерти помер.

«Хи-хи…»

Я стремительно обернулся. Мое обескураженное лицо заставило стоявшую на углу женщину рассмеяться.

«Э-э… ты… Привет!»

Это неправда, что Смерть стара и уродлива. На самом деле Смерть – вечно юная и прекрасная женщина во вдовьем одеянии, но с непокрытой, как у незамужней девушки, головой. Лишь те, чья совесть нечиста, кто страшится перехода в иной мир, видят ее по-другому – чудовищным скелетом в черном балахоне, с косой, которой она перерезает нить жизни. Но достаточно посмотреть на статуи, которые стоят в каждом храме Смерти, чтобы понять, что это не так.

Да, Смерть на самом деле тиха, спокойна и красива. И, как ни странно, она – моя жена.

Как это случилось? До сих пор не могу поверить. Почему она выбрала меня? За что? Как-то Смерть обмолвилась, что я оказался не таким, как все. Я был готов помогать людям, бороться за их жизнь и жизнь их близких, не считаясь с последствиями. Для некроманта сие непривычно. Может быть, потому богиня и обратила внимание на вчерашнего выпускника, на тот момент не успевшего ничем себя зарекомендовать? Но это благодаря Смерти я в свое время не отправился на тот свет, хотя мог бы…

Когда-то меня укусил упырь. Для живого человека это наверняка означает медленную мучительную смерть, после которой его ждет превращение в чудовище, питающееся кровью и плотью людей и животных. Мэтру Куббику удалось удалить из раны часть яда, но не до конца. Перерождение шло, несмотря ни на какие усилия, пока не вмешалась Смерть. Она просто не дала мне умереть, сидела рядом, держала за руку, как самая обычная женщина, даже, помнится, плакала чуть-чуть… А когда я все-таки выжил, объявила меня своим супругом.

«– Ну супругой ее можно назвать лишь условно, – сказал мне тогда мэтр Куббик, едва я пришел в себя и смог что-то понимать. – *Помните, я вам рассказывал, что в каждом поколении некромантов Смерть выбирает себе одного-двух любимчиков? Ничего особенного такой выбор не дает: чуть-чуть дольше жизнь, чуть-чуть больше удачи… Как правило, новый любимчик появляется только после того, как она расстается со старым… по какой-то причине. Это очень редко бывает собственно гибель «избранника» – точно сказать никто не может, ибо статистика не велась… Все про это знают, но исследовать явление никто не пытался. Короче говоря, этих-то любимчиков и называют «супругами» Смерти…»*

Да, именно так. Смерть – моя жена. А я – ее супруг, как ни странно это звучит.

«Привет! – Она опять улыбнулась темно-вишневыми устами, которые странно смотрелись на мертвенно-бледном лице. – *Давно не виделись!»*

«А… э-э… да. Давно… Ты что тут…»

«Делаю? А где мне еще быть?»

«Ну, не знаю. У тебя всегда так много дел…»

«Успею еще». – Она кокетливо дернула плечом.

Что-то новенькое! Обычно этот диалог повторялся с точностью да наоборот. Я – упрашивал ее задержаться, мол, еще успеешь, а она…

«Ты никуда не торопишься?»

«Пока нет. А ты приглашаешь?»

Ой, ущипните меня! Со мной заигрывают?

«Чего тебе надо?»

«С чего ты взял, что мне от тебя что-то надо?» – Вишневые губки обиженно надулись.

«Ну… тут только что кое-кто умер. Разве ты не должна…»

«Какое интересное наблюдение! Ну?»

Тонкая рука протянута навстречу. Ладонь требовательно раскрыта. И ежу понятно, чего ждет Смерть.

Мотылек слабо трепыхнулся в носовом платке. Совсем чуть-чуть, но этого было достаточно.

«Не дам!»

«Что?»

«Это моя добыча!» – делаю страшные глаза.

«Не поняла…»

«А чего тут непонятного? Он тебя тут в одиночестве сколько времени ждал? Сколько мучился, когда ему даже кружки воды подать было некому? Эти люди боялись нос сюда сунуть – страшно им, видите ли! Чего они испугались? Простого человека…»

«Не простого…»

«Пусть не простого, согласен. Но человека! Он им сколько раз помогал – и детей лечил, и скотину на ноги поднимал, и всякие пропажи разыскивал, и советы давал. А из них хоть бы кто смелости набрался и порог переступил! Оставили помирать в нетопленой землянке, без глотка воды и куска хлеба…»

«Люди…»

«Люди! – яростно кивнул я. – Но ты-то! Могла быть хоть чуть-чуть милосерднее? То являешься не вовремя, то не дождешься тебя…»

«Я не поняла. – Интонации голоса моей жены остались прежними, но вокруг словно холодом повеяло. И птицы как-то резко замолкли. – *Это упрек?»*

«Это, – я ладонью прижал бьющегося в кармане мотылька, который силился выбраться из платка, – констатация факта. Почему ты не забрала его раньше? Почему все должен делать я?»

«Ой-ой! – Смерть закатила очи с видом задерганной работой домохозяйки. – *Кто бы говорил, что перетрудился! Всего одну жизнь забрал, а возмущаешься так, словно у тебя больше тысячи их с утра было… Я, между прочим, ради тебя тут стою. Ты знаешь, сколько народа сейчас меня пытается дозваться? В столице вот прямо сейчас вора вешают. Он в петле болтается, задыхается, а умереть не может! А все потому, что я просто хочу несколько минут побыть рядом с супругом. А он, вместо того чтобы порадоваться жене, упреками ее осыпает!»*

«Ну извини, – выдавил я, вовремя вспомнив, на ком женат. – Просто… мы так редко видимся. Я скучаю».

«Я тоже, – соизволила моя благоверная сменить гнев на милость. – *Ну давай, да я пойду»*.

«Чего – давай?» – опять сделал вид, что не заметил протянутой руки.

«Как – чего? Душу!»

«Э нет! Я же сказал – это моя добыча! Он мне сам ее отдал в обмен на…»

Тут мысль споткнулась, причем не на ровном месте, а словно бы сделав круг и запнувшись о ту же самую ямку, что в прежний раз. Кроме полной власти над своей душой ведун не передал больше… ничего! Ни капли его сил не досталось мне. Пусто! Но этого не может быть! Он не мог умереть без этого.

Я еще раз посмотрел на Смерть. Моя жена проявляла нетерпение – видимо, ее и впрямь заждались, – но не трогалась с места.

«Ты… поэтому к нему не торопилась?» – поинтересовался я на всякий случай.

«Не только. Если бы кое-кто был более внимателен…»

Мотылек затрепыхался так отчаянно, что пришлось сунуть руку в карман и стиснуть в кулаке взбесившееся насекомое. Его лапки весьма ощутимо скребли ладонь.

«Ему оставалось не так-то много».

«Да. Ты отдашь мне ее?»

«Нет. Извини».

«Как хочешь!»

Стройная фигура стала расплываться, таять в воздухе. Снова повеяло теплом, зазвучали голоса птиц, вернулись запахи и яркие краски. Я осознал, что последние несколько минут стоял, уставившись в пустоту. Зрелище, наверное, уморительное и пугающее одновременно – застыл себе человек и только беззвучно шевелит губами. Вон хуторяне чуть в обморок не попадали, а кто потрусливее – уже сбежал.

Смерть исчезла, оставив после себя легкий аромат грусти. Вот и поговорили… Следующая наша встреча, столь же мимолетная, может состояться через несколько дней, а то и месяцев. А я, между прочим, скучаю!

Когда я вернулся домой, на крыльце обнаружился мэтр Куббик, присевший на ступеньку и строгающий осиновые колышки. Вся земля вокруг была усеяна стружками, рядом валялась груда осиновых палок, а сбоку постепенно росла стопочка колышков. Сейчас это была простая древесина. Чтобы сохранить и даже как-то приумножить ее магические свойства, следует окунуть колышки в специальный раствор. Тогда они и через несколько лет, вне зависимости от условий хранения, останутся свежими и годными в дело.

– Добрый день, Згаш. – Мэтр ненадолго отвлекся от своего занятия. – Как съездили? Нормально?

Я отвел кобылку в конюшню, расседлал и вернулся к крыльцу.

– Нормально. На сей раз вызов не ложный – действительно *личинка*!

– Это радует. – Мой напарник продолжал строгать.

Из дома, привлеченная голосами, важно выбралась Варежка – белая пушистая кошка с черным хвостом и черным пятнышком на мордочке – и, раздраженно дернув хвостом, одарила презренных мужланов томным взором леди «в интересном положении». Обычно она спала в одном из кресел в большой комнате на первом этаже и яростно царапалась, едва кто-то, забывшись, пытался на нее сесть. Однако время от времени все-таки покидала нагретое местечко, чтобы прогуляться. Животик ее с некоторых пор начал округляться, и характер Куббиковой любимицы испортился. Мы подвинулись, уступая кошке добрую половину крыльца. Она воззрилась в мою сторону с негодованием и зашипела, топорща усы.

В чем дело? Вроде умылся, рабочую куртку оставил на конюшне… Мертвечиной разить не должно… Ах да!

– Мэтр, – сунув руку в карман, обнаружил трепыхающегося мотылька, – а скажите, по какой причине ведун не может отдать преемнику свою силу перед смертью?

– Ведун или колдун? – Куббик перестал строгать.

– Не все ли равно?

– Ну вообще-то разницы особой нет. Колдун передает, как правило, «чистую» энергию, которой еще надо научиться пользоваться, а ведун делится именно знаниями. Только очень сильные ведуны могут передать свою силу кому-то. Да и то не всю.

– И могут умереть, унеся с собой в могилу…

– Знания. Но не силы.

– Понятно.

Мотылек отчаянно скребся, и пришлось сжать кулак, чтобы утихомирить насекомое.

– Но вообще-то знания без силы – ничто. На кой ляд тебе информация, если не знаешь, как ею воспользоваться? Так что и передача силы, как правило, имеет место быть. Только это не та сила, которой располагаем, например, мы. Ведуны отдают не свои силы, а то, что накопили из внешней среды.

– Но отдают обязательно?

– Да.

– А если не отдают? Такое бывает?

– Бывает. – Мэтр перестал строгать, выпрямился и уставился вдаль. – Как правило, в трех случаях. Первое – ведун истратил все накопленные силы на борьбу с каким-либо злом, но не смог его одолеть именно потому, что исчерпал себя до дна и умирает, проиграв битву. Второе – это самозванец, только по имени являющийся ведуном, и сил у него практически нет, а стало быть, и передавать нечего…

– Это не наш случай! – быстро вставил я.

– Ну и третье, – мой напарник прищурился, – если его обокрали.

– Как? – Я аж подпрыгнул.

– Как обычно! Вытянули энергию вместе с жизненными силами посредством… Стоп, а с чего вдруг такой интерес?

– Просто… подумалось… Мы же со Смертью работаем, вот и решил… подумал…

Но сбить с толку мэтра Куббика оказалось невозможно. Он вцепился в меня, как охотничий пес в подранка, и не отставал, пока не узнал все обстоятельства этого дела.

– Да, похоже, я был прав, – заключил он, выслушав весь рассказ и многочисленные дополнения. – Похоже на воровство. Хотите расследовать это дело, Згаш?

– А это обязательно? – поинтересовался я, уже догадываясь, каким может быть ответ. В самом деле, если имела место кража *силы*, то где-то поблизости ходит… правильно, опасный тип. Он сам по себе маг, который наверняка замыслил что-то дурное. Чужая *сила* могла ему понадобиться, если он, затаившись в провинции, накапливает энергию для совершения какого-либо противозаконного действа. В этом случае ведун может пострадать и как нежелательный свидетель. Но почему он мне ничего не сказал? Сам не знает, что его обокрали? Но это невозможно! Украсть *силу* у ведуна – совсем не то, что стащить кошелек у ротозея. Подобное можно сравнить с попыткой «незаметно» отрезать руку или ногу. И тогда понятна его болезнь – лишившись *силы*, он как бы истек жизненной энергией. Возможно даже, он был ранен в реальной схватке, а потом победитель высосал у побежденного *силу* и оставил умирать. Но кто этот человек? Об этом стоило подумать.

– Думаю, это дело как раз для вас. – Мэтр вернулся к прерванному занятию. – Заодно и в Малые Звездуны наведаетесь.

– А это-то зачем?

Прошло более полугода с того дня, как я последний раз переступал порог замка графов Байт. Именно полгода назад, в конце осени, так и не дождавшись возвращения младшего сына, умер старый граф. Его подкосило известие о том, что титул графа возвращен-таки Анджелину Масу, а значит, его сыну Дарину, если он явится домой, не придется стать градоправителем. Старик скончался на другой день после получения этого известия. От городского некроманта требовалось засвидетельствовать естественность этой смерти. А заодно

выяснить, не стал ли старый граф привидением – ибо напряженное ожидание сына могло задержать его душу на земле до этого момента.

– Нас вызывает ее светлость графиня Лавина Байт.

– Что-то с Ладианом?

Мэтру Куббику в прошлом году, подчиняясь настойчивым просьбам графини, удалось-таки оживить тело молодого виконта, убитого на дуэли Анджелином, но именно что тело – души и разума в нем не осталось ни крупицы. А все потому, что до этого с ним как следует «поработал» уже упомянутый Гебриан Чернореченский, который в настоящей некромантии ничего не понимал. Естественно, он все испортил. Внешне теперь это был молодой мужчина лет двадцати, но с разумом новорожденного младенца. Он не умел совершенно ничего: ходил под себя, не ел самостоятельно, не умел одеваться, не разговаривал. Разве что передвигаться как-то научился, но только держась за руку. Материнская любовь сыграла с графиней злую шутку – она была обречена до конца своих дней ухаживать за существом, которое лишь внешне напоминает ее сына, без какой-либо надежды, что однажды в его глазах мелькнет проблеск мысли.

– С его женой.

А вот это дело плохо. Невестка леди Лавины, юная красавица леди Гемма, была приговорена к домашнему аресту и оставлена на попечение свекрови, косвенно виновная – полностью обвинения снять не смогли – в смерти своего мужа. Лишь знатность рода и беременность спасли ее от более жестокого наказания и возможной тюрьмы. Всю тяжесть обвинения вынесли на себе ее брат, барон Гебриан Чернореченский, и бывший лейтенант городской стражи Таран Винт. Этого последнего от суда инквизиции спасло только отсутствие у него магических способностей. Но галеры – плохая замена смертной казни.

– А что с его женой? – поинтересовался я, стараясь себя не выдать.

– Вы же знаете, Згаш, что со дня смерти виконта Ладиана прошло почти восемь месяцев. По словам леди Геммы, она забеременела за пару недель до этого, но по неопытности не распознала вовремя свое положение и не успела порадовать мужа. Следовательно, на днях она должна разрешиться от бремени. Но леди Лавина подозревает обман – нет никаких признаков приближения родов…

– И она хочет узнать, не обманывала ли ее невестка?

– Да.

– Но почему именно я?

Ответить мой напарник не успел – на дворе появилось новое лицо. Вернее, морда.

Черный кот по кличке Зверь собственной персоной. Это существо мне в прошлом году принесли в качестве «премии» за работу. Выглядел он тогда ужасно – пришлось повозиться, сращивая переломы и зашивая рваные раны, полученные в драке за место под солнцем. Кот так и прижился у нас: не только потому, что у меня рука не поднялась вышвырнуть за порог животное, которое сам же лечил и выхаживал. Просто он совершенно неожиданно завоевал сердце прежде неприступной Варежки.

Котяра, отъевшийся за зиму, возник откуда-то сбоку, гордо волоча в зубах огромную крысу. Подойдя к крыльцу, он свалил добычу к лапкам супруги.

– М-мыф! – И без слов ясно: «Хвали меня, любимого!»

Варежка брезгливо сморщила носик, сверху вниз глядя на дохлого грызуна:

– М-мэм? – Что в переводе означало: «Ну и что это такое?»

Дальнейший диалог, состоявший из фырканья, мурлыканья, мяуканья и весьма выразительных гримас, даю сразу в переводе.

«Дорогая, не видишь, что ли? Это крыса!»

«Сама вижу! И что мне с нею теперь делать?»

«Как – что? Ты же утром меня просила…»

«Я просила вот это? Ты с ума сошел!»

«Но тебе же так хотелось чего-нибудь…»

«Убери немедленно эту гадость! Я не ем крыс! Меня от них тошнит!»

«Вчера не тошнило, а сегодня тошнит?»

«Да, сегодня! – Раздраженное подергивание хвоста. – И вообще, принес бы лучше рыбки…»

«Рыбки? А где я ее-то возьму?»

«Меня не волнует. – Гордо задранный носик. – Налови!»

«Ты с ума сошла, женщина! В воду не полезу никогда!»

«Ты… ты… – в глазах кошки застыло почти человеческое негодование, – бесчувственный чурбан! Ты меня совсем не любишь! Ну конечно, я стала такая толстая и некрасивая… Завел небось себе молоденькую симпатичную дурочку… Вот и катись, куда шел! И подарок ее забери! Мне чужого не надо!»

«Дор-рогая! – Кота затрясло. – Ты в порядке?»

«Нет! Нет! А все из-за тебя! Вот мужчины! Я отдала ему лучшие годы жизни, а он… Умру – будешь тогда знать!»

На этой трагической ноте, возмущенно фыркая, подергивая хвостом и задрав носик, Варежка плавной походкой соизволила удалиться, оставив трех мужчин на крыльце.

Зверь медленно расслабился, пригладив шерсть на загривке, и одарил нас с мэтром снизу вверх красноречивым взглядом.

– Понимаю, брат, – я почесал за когда-то порванным в драке ухом, – у меня самого проблемы!

Кот фыркнул и, привстав, толкнул дохлую крысу лапой.

– Угощаешь? – не поверил своим глазам.

– А по-моему, он хочет, чтобы мы оживили бедное животное, – заметил мэтр. – По принципу: «Так не доставайся же ты никому!»

Мы с котом посмотрели на него с одинаковым недоумением, но вслух ничего не сказали.

– Так как, Згаш? Поедете к Байтам?

А куда деваться?

Глава 2

Внутреннее убранство старого замка – хотя какой он старый, двести лет всего! – осталось прежним. Тот же двор, то же строение с парадным крыльцом, те же надворные постройки и небольшой фонтанчик в окружении плодовых деревьев в дальнем углу двора. Только теперь здесь царила совсем иная атмосфера: внутри оставшихся неизменными каменных стен навеки поселились тоска и скорбь. Никогда уже не загорятся огни, никогда в залах не зазвучит музыка, не будут слышны смех и шутки, не съедутся на веселый пир гости. Некому устраивать пиры. Ибо единственный наследник замка, виконт Ладиан Байт ныне просто тело без души и разума, его мать стареет, а ее невестка, леди Гемма, бывшая баронесса Чернореченская, содержится тут под домашним арестом.

Однако есть на свете вещи, которые не подвержены переменам. И вышедший навстречу мне Анджелин Мас как раз принадлежал к таким символам стабильности.

– Згаш! – Сильный властный голос прокатился над двором. – Это вы?

– А вы ждали мэтра Куббика?

– Вообще-то мне все равно. Просто рад вас видеть!

Смотреть на бывшего градоправителя можно было только запрокинув голову – он почти на голову превосходил большинство окружавших его людей. Широкие плечи, длинный плащ – темного цвета в любую погоду – решительная походка, цепкий взгляд исподлобья делали его кандидатом на роль некроманта, в отличие от мэтра или меня. Ничего удивительного, что, столкнувшись с ним в первый раз и почувствовав на себе холодный взгляд его колючих светлых глаз, ваш покорный слуга почувствовал себя неуютно. Я себя хлюпиком не считаю, но рядом с таким верзилой всегда ощущаю себя мальчишкой. И подумать только – в прошлом году этому типу спасти жизнь довелось именно мне, шагнув вслед за ним на вересковые пустоши и в самый последний момент вырвав его душу из объятий Смерти! После этого мы подружились, побратались, и не было ничего удивительного в том, что Анджелин Мас вышел встречать названого родственника.

Трудно было поверить в то, что этот суровый, с усталыми злыми глазами мужчина умеет улыбаться, но мне одному из немногих случалось видеть улыбку на его лице. Такую, как сейчас.

– Проходите, Згаш! – Широкая длань сделала приглашающий жест. – Располагайтесь, будьте как дома…

– Но не забывайте, что вы в гостях, – припомнилось окончание известной поговорки.

Остановив какого-то слугу и приказав доложить графине о приезде некроманта, Анджелин провел меня в большой зал. Из-за его размеров высокие стрельчатые окна не могли как следует осветить дальние углы. Две широкие лестницы, ведущие во внутренние покои, были погружены в полумрак. Здесь было еще мрачнее, оттого что окна выходили явно на север, а сейчас день клонился к закату.

– Ты вообще знаешь, зачем тебя пригласили, Згаш? – В отсутствие посторонних бывший градоправитель всегда был со мной на «ты».

– Леди Лавина сомневается в словах леди Геммы по поводу того, что у невестки под сердцем ребенок виконта Ладиана?

– Мэтр Куббик так сказал?

– Да, – не стал скрывать я. – И, как я понял, надо вызвать дух виконта, дабы он подтвердил или опроверг ее слова?

Анджелин кивнул, заложив руки за спину, прошелся туда-сюда. Шаги его гулко отдавались эхом.

– Да, но…

– Есть сомнения?

– Есть. Дело, скажу я, весьма щекотливое. На данный момент этот ребенок – либо наследник имени и титула, либо – бастард, никаких прав не имеющий. А я – граф, как и этот младенец. Понимаешь?

– Нет.

– Право наследования, Згаш. – Бывший градоправитель остановился так резко, словно налетел на стену. – У меня нет детей.

– Еще рано беспокоиться! Ты молод, здоров… Что такое тридцать пять лет? Еще успеешь…

– В любом случае, даже если я женюсь уже завтра и послезавтра сделаю своей жене ребенка, старшим будет объявлен этот младенец в утробе леди Геммы! И после моей смерти именно от него может зависеть благополучие моих детей. А если разница в возрасте окажется существенной, то и сама жизнь! Этот замок… – Он взмахнул рукой. – Эти земли. – Последовал жест в сторону окна. – Как дальний родственник я имею право на все это в случае, если у виконта Ладиана не окажется прямых наследников! Если выяснится, что леди Гемма всех обманула и носит бастарда.

– Или если родится девочка, – пробормотал я, отлично зная, что обман имел место.

О да, у графини Байт и Анджелина имелись все основания подозревать леди Гемму в обмане. Так уж вышло, что, одарив юную виконтессу красотой, боги не отмерили ей ни капли доброты, душевного тепла и способности любить. Леди Гемма, вышедшая замуж в пятнадцать лет, уже через год разочаровалась в своем муже и пожелала обратить томные взоры на красавца Анджелина Маса. Градоправитель находился тогда в зависимом от ее свекрови положении – он жил в замке графов Байт в Малых Звездунах, управлял городом от имени вдовой графини, но и только. Байты лишили его предков всего – но только не чести. И Анджелин ответил отказом на домогательства леди Геммы. Она неоднократно пыталась его соблазнить, из-за чего градоправителю вовсе пришлось уехать из замка и поселиться в Больших Звездунах. Отвергнутая виконтесса и задумала тогда план мести. Анджелин должен был умереть, а ее брат Гебриан Чернореченский хотел ей в этом помочь.

Но случилось непредвиденное: леди Гемма овдовела, не доведя свой план до конца. Остаться графиней Байт ей мог помочь ребенок – наследник Ладиана, которого у нее как раз и не было. В отчаянии молодая женщина вознамерилась заполучить младенца любым способом – она подговорила брата воскресить труп ее супруга на те несколько минут, которые понадобились бы леди Гемме для зачатия младенца. Однако, как уже упоминалось, ее недоучка-братец все испортил, и тогда виконтесса обратила свои взоры в мою сторону.

Я тогда как раз переживал последствия укуса упыря – а этот упырь был в некотором роде творением Гебриана, который таким образом «набивал руку», – и не вполне отдавал отчет своим поступкам. Точнее, мое тело вело себя не слишком адекватно, а я был словно заперт внутри и ничем не мог помешать. Сыграло свою роль и то, что внешне, цветом волос и глаз, я оказался немного похож на Ладиана. Одного раза оказалось достаточно для того, чтобы леди Гемма забеременела. И носила теперь *моего* ребенка, выдавая его за дитя от Ладиана. Ребенка, который может помешать Анджелину, моему другу, получить причитающееся ему богатство. Так что действительно самым лучшим вариантом в сложившейся ситуации будет рождение девочки.

– Это было бы неплохо, – усмехнулся Анджелин, каким-то образом догадавшись о терзавших меня мыслях. – Это разом решило бы все проблемы. Тогда бы не пришлось идти на преступление…

– Ты… вы… убьешь ребенка?

– А тебя так уж волнует судьба бастарда? – нехорошо усмехнулся мой названый брат.

Откровенно говоря, в душе боролись противоположные чувства. С одной стороны, матери часто избавлялись от незаконнорожденных детей – их бросали в лесу на съедение диким зверям, их душили пуповиной и тайком зарывали на задворках, их отдавали «для опытов» тем же некромантам. Их просто травили еще до рождения. Сам мэтр Куббик дорого бы дал за то, чтобы приобрести младенца. И мы на практике в Колледже тоже… несколько раз…

Но к рождению этого малыша я-то имел весьма непосредственное отношение, хотя и совершалось все без моего согласия! Одно дело – когда переспишь с девчонкой и бросаешь ее, расставаясь навсегда и без желания вернуться, и даже не запоминаешь имени случайной подружки. И совсем другое – когда мать практически находится у тебя на глазах. Второй вопрос, что сама мамаша не горит желанием сообщать радостную весть – в глазах всего света это ребенок виконта Ладиана. Она даже под пыткой не признается…

– Убью, – прозвучал решительный голос, – если он будет угрожать мне!.. Пойми, Згаш, мне вернули титул, но больше у меня почти ничего нет. Городом и землями владеют по-прежнему другие! Чтобы жениться и исполнить свой долг перед предками, мне нужно принести своей невесте нечто кроме имени и титула. И на пути к этому сейчас стоит леди Гемма и ее ребенок. Мне нужно убрать их с дороги. Ты мне поможешь?

Он в два шага оказался рядом и тяжело опустил руки мне на плечи. Я мог остановить сердце Анджелина простым напряжением воли, но не смог противиться тяжелому взгляду ярко-синих глаз.

Обряд по вызыванию духа проводили после заката. Дождавшись, пока за окнами стемнело окончательно, я приступил к подготовке места действия. Кое-какие необходимые приготовления были сделаны заранее. В центре выбранной для обряда комнаты установили кресло, на полу была начертана восьмилучевая пентаграмма, на лучах которой стояло восемь свечей. Некоторые символы ее пока оставались незавершенными – их черед настанет потом. Девятая свеча установлена на блюдце на полу у самых ножек кресла. Книга раскрыта на нужной странице, в чашу с вином добавлен порошок.

Обычно его полагается вдыхать, дабы поскорее прочистить мысли и облегчить концентрацию. Вино усиливает воздействие, и само тоже «усиливается», так что, учитывая количество выпитого за ужином, завтра меня будет мучить жестокое похмелье, а последняя стадия опьянения – «в дрова» – может наступить уже через четверть часа. Голова уже начала шуметь и кружиться. Самое оно! Мне сейчас крайне необходимо напиться. А то что-то нервишки шалят…

Воздух рядом со мной сгустился в облачко тумана, которое постепенно приобрело очертания тощей старческой фигуры, на которой парадный камзол висел мешком. Только его тут не хватало! Призрак старого графа Байта, дедушки Ладиана и свекра его матери, леди Лавины! Старик долго и упорно ждал, когда в родные стены вернется его младший сын, виконт Дарин Байт, дядя Ладиана, покинувший Большие Звездуны более четверти века назад. Он так и умер в ожидании и после смерти стал призраком, развоплотить который может лишь появление его младшего сына. При жизни старый граф даже меня принимал за внезапно вернувшегося сына, и лишь сейчас, после кончины обретя рассудок и спокойствие, перестал путаться.

– Опять вы здес-сь, гос-сподин? – послышался его надтреснутый тихий голос.

– Вызывали, вот я и прибыл.

– Очень хорош-шо… Что с-с-слышно?

– Пока ничего особенного, – пожал я плечами. – А какие новости у вас?

– Тоже тиш-шина… Я жду!

А вот это не слишком хорошая новость. Означать она могла лишь одно – Дарин Байт все-таки не умер, раз отец, перешагнув черту, отделяющую живых от мертвых, не нашел за нею младшего сына. Старший, граф Верин, отец Ладиана, уже больше десяти лет находится там. Но Дарина до сих пор нет. И если он вернется, то лишь для того, чтобы предъявить на Большие и Малые Звездуны свои права.

Так. Спокойно. Я злой и страшный некромант… Это меня все должны бояться, так чего дергаться? Взмахом руки отпустить надоедливого призрака, чтобы не болтался рядом и не отвлекал разговорами, встать спокойно, скрестить руки на груди, сурово сдвинуть брови. Чего они так долго? Где их бесы носят? А, уже здесь… Скребутся, как мышки!

– Входите!

Голос получился гнусавым и каким-то сдавленным. А вы попробуйте сказать то же самое властным тоном, не разжимая зубов!

Заинтересованные лица явились в полном составе. Впереди шла леди Лавина Байт, ведя за руку пускающего слюни дебила с пустым взглядом. Тело виконта Ладиана переставляло ноги, но ему было все равно, кто, куда и зачем его ведет. Хуже ребенка, честное слово! Новорожденный хотя бы криком дает понять, что замерз, голоден, напуган, а он… Закричит, только если руку отрезать будут.

За этой парой, держась подальше друг от друга, шли Анджелин и леди Гемма. Ее опухшее лицо с мешками под глазами и следами слез напряглось, когда виконтесса заметила меня. До суда она меня не видела и пребывала в твердой уверенности, что труп некоего Згаша Груви, невольно причастного к ее беременности, гниет в крепостном рву, тишком сброшенный туда ее братом. Да и на самом суде мои интересы представлял мэтр Куббик, поскольку я не желал иметь с этим семейством ничего общего. Первый раз мы столкнулись лицом к лицу, когда некромантов вызвали расследовать смерть старого графа. Тогда казалось, что женщина вот-вот умрет от разрыва сердца, – такое у нее сделалось лицо. Не знаю, каких душевных сил ей стоило сохранить видимость спокойствия. Огромный живот, пятна на лице, большая грудь, переваливающаяся походка не оставляли никаких сомнений в ее положении. За ужином она еле держалась, слишком поздно узнав, что именно я буду вызывать дух ее бывшего супруга. Ей было страшно, а в обращенных в мою сторону взглядах было столько всего намешано… Негодование, страх, нетерпение, гордость, даже мольба: «Только не говори ничего!» – и угрозы: «А не то будет хуже!» Кому хуже, милочка? Да, я папа этого младенца, но пусть буду проклят, если испытываю к ребенку какие-то нежные чувства.

А все-таки, что ни говори, они были бы прекрасной парой, Анджелин и леди Гемма! Со стороны как-то виднее, но смотрелись бы плечистый красавец-граф и хрупкая девочка-женщина рядом просто замечательно. Однако внешний вид не всегда соответствует внутреннему содержанию. Мрачный сдержанный Анджелин обладал золотым сердцем и был истинно благородным человеком. А в душе красавицы Геммы не нашлось бы и капли душевного тепла и доброты.

– Прошу вас, миледи! – Я властным и гордым – хотелось бы верить! – жестом дал понять графине, что тело ее сына надо усадить в кресло. – И отойдите подальше. За пределы пентаграммы, иначе я ни за что не отвечаю!

Женщина сделала все. Тело ее сына – вот не получается даже думать про *это* как про бывшего виконта! – утвердилось в кресле. Дышит, моргает – но и только. Ничего, сейчас он у меня заговорит… Ой, как бы с отвычки не наговорил лишнего!

От легкого взмаха руки одна за другой загорелись свечи. Последней вспыхнула та, что стояла у ног *объекта*. Пока она горит, дух виконта будет пребывать в своем бывшем теле, но, едва погаснет последняя искра, улетучится восвояси.

Книга была открыта на нужной странице, и, раскинув руки крестом, я начал начитывать заклинание. Вокруг резко сгустилась темнота. Похолодало так, словно вернулись

морозы. Леди Гемма побелела как полотно, двумя руками схватившись за свой живот. Анджелин оставался спокоен, как скала, – он-то уже чувствовал нечто подобное, когда восемь месяцев назад пришлось вытаскивать его душу с того света. А по лицу леди Лавины, как вода, потекли слезы.

– Миледи, – прервав чтение, протянул к ней руку, – извольте подойти!

Она повиновалась, не отрывая глаз от лица сына. И вздрогнула, очнувшись от своих дум, когда я, ловко схватив ее ладонь, быстро уколол иглой ее запястье.

– Сын, отзовись! Матери кровь призывает тебя!

Присутствие призраков было заметно мне еще несколько секунд назад – они парили поблизости, не вмешиваясь в происходящее, – но все равно зрители вздрогнули, когда виконт внезапно дернулся в кресле, садясь прямее и поднимая голову. Руки ожили и вцепились в подлокотники кресла. Взгляд постепенно прояснился. Уф… получилось…

– Именем света! Властью моей! Слушай меня! Повинуйся мне! – Еще один властный взмах ритуальным ножом подкрепил слова.

Взгляд виконта остановился на моем лице.

– Да, хозяин, – шевельнулись губы, которые много месяцев вообще не издавали никаких звуков. – Зачем вы потревожили меня?

– Ты должен нам кое-что сказать…

– Спрашивайте, я отвечу.

– Твоя мать…

– Ладиан? – непередаваемым тоном воскликнула графиня Байт, бросаясь к нему.

– Назад! – рявкнул я, заставив вздрогнуть всех присутствующих. – Все назад! Живые не смеют преступить запретную черту, дабы не распрощаться с жизнью!

В глазах леди Геммы на миг мелькнуло желание толкнуть бывшую свекровь в спину, дабы та сделала последний роковой шаг. Но оно тут же угасло: рядом, как скала, возвышался Анджелин Мас, который не даст молодой женщине и пальцем шевельнуть. Да и не в ее положении подобные физические упражнения! А тут я еще поднял руку, начиная начитывать заклинание, и люди – в том числе и призрачные – как-то сразу съежились. А зря! Заклинание-то безобидное. Оно просто закрепляет уже достигнутый эффект, не более того.

– Покуда горит свеча, дух виконта Ладиана находится в теле сем! Стоит погаснуть огню, и вернется дух его туда, откуда пришел!

– Сыночек мой, – всхлипнула старая женщина.

– Мама, – промолвил он в ответ, вызвав бурю эмоций.

Некоторое время они просто смотрели друг на друга, разделенные невидимой чертой. Я не мешал: надо быть совершенно черствым человеком, чтобы встать в эту минуту между матерью и сыном. Кроме того, есть большая вероятность, что дух виконта заговорит сам, не дожидаясь принуждения, и мне не придется лишний раз напрягаться.

Так оно и случилось.

– Мама, – произнес дух виконта, – ты так изменилась… постарела…

Да уж, чувство такта на том свете не преподают! Хотя призраки не люди, они на многое смотрят по-другому.

– Без тебя, Ладиан, тут все изменилось, – всхлипнула старая женщина. – Твоя жена Гемма…

– Знаю.

Серые глаза метнулись по сторонам. Бывшая виконтесса тоненько пискнула и попыталась спрятаться за Анджелина, но с тем же успехом можно попытаться поднять дом. Ее крепко схватили за локоть и сжали его так, что опухшее лицо побагровело.

– Гемма, – прозвучал глухой голос, – ты… я же любил тебя, а ты… как ты могла… Ты – такая нежная, юная, ласковая… Ты обманывала меня…

– Она обманула всех, – подал голос Анджелин, продолжая стискивать руку молодой женщины.

– Анджелин… милорд…

Взгляды духа виконта и бывшего градоправителя встретились. Между этими двумя не было произнесено ни слова, хотя дух убитого мог бы много чего сказать своему убийце. Но, как уже замечалось не раз, смерть многое расставляет по своим местам!

– Это была случайность, – наконец выдавил мой названый брат.

– Мне не следовало бросать вам вызов. У меня не было ни единого шанса, – сказал его противник. – Не знаю, что на меня нашло. Леди Гемма… если бы я тогда знал то, что знаю сейчас, я бы… извинился перед вами за подозрения… Это я сейчас понимаю, что меня просто-напросто заставили вызвать вас на дуэль. Извините меня.

– Теперь ничего не поправишь.

– Да. – Тело виконта шевельнулось. Дух сделал попытку поднять руку, но – увы! – прежнее вместилище души больше не повиновалось ему. – Мне так хотелось вернуться… хоть ненадолго…

– Сыночек мой, – всхлипнула леди Лавина. – Ты так мало пожил… Где ты… сейчас?

Все прекрасно поняли, что она имеет в виду – Пекло или Небеса, – но дух только издал звук, который мог означать смех:

– Здесь. Пока мое тело находится в этом замке, пока оно не обрело покой, я тоже вынужден оставаться тут. На этом свете. Это больно, мама. Это очень больно…

Он внезапно застонал так, словно его пытали, и графиня с тревогой обернулась ко мне:

– Что происходит?

– Дух вашего сына очень мучается, пребывая в теле, которое ему больше не принадлежит. Неумелые чары Гебриана Чернореченского порвали связи между телом и душой, и восстановить их не в моих силах.

Дух опять застонал – громче и отчаяннее.

– Чем дольше он будет находиться в этом теле, тем сильнее будет его боль. Не мучайте его, спрашивайте, что хотели, и я его отпущу…

– Да! – почти закричал виконт, дергаясь, словно в судорогах. – Спрашивайте, да поскорее!

– Твоя жена, леди Гемма…

– Я больше не могу этого выносить! – воскликнула та, словно только сейчас очнувшись. – Это ужасно! Прекратите жестокое зрелище! Подумайте о моих чувствах!

– Твоя жена… Ее ребенок…

– Это не мой ребенок!

– Нет!

Я стоял спиной, полностью сосредоточившись на том, чтобы удерживать защитный круг и контролировать действие заклинания, и не смотрел по сторонам. Мне не было видно, что произошло, но внезапно леди Гемма бросилась вперед. Ее никто не успел удержать, и она всем телом ударилась о невидимую грань.

Послышался слитный вопль. Кричала леди Гемма от охватившей ее тело ужасной боли. Вскрикнула леди Лавина. Ахнул от неожиданности дух виконта. Мы с графиней бросились вперед почти одновременно, пытаясь отпихнуть леди Гемму от грани. Ноги ее подкосились, и молодая женщина рухнула на пол. Прежде чем мы успели что-то сделать, ее дух покинул тело и белесым облаком тумана взмыл под потолок. Отчаянный крик захлебнулся, и лишь я один слышал отчаянный визг души, разлученной с телом. Не скажу, что он звучал музыкой для моих ушей – столько в нем было ужаса, боли и ярости.

Мы с леди Лавиной и Анджелином опустились на колени перед ее распростертым телом.

– Она мертва? – Темно-синие глаза бывшего градоправителя смотрели пристально и холодно.

– Боюсь, что да…

– Это ужасно, – всхлипнула графиня. – Вы можете что-нибудь сделать?

– Нет, – подал голос дух виконта. – Никто не может преступить черту… И я… хочу уйти. – Он опять застонал от терзавшей его боли.

– Но ее ребенок…

– Это не мой ребенок!

– Не может быть! – воскликнула леди Лавина с отчаянием и яростью. – Выходит, она все-таки меня обманула…

Взглянув в лицо графине, я от души порадовался, что леди Гемма мертва и на нее не обрушится гнев бывшей свекрови. Хотя, откровенно говоря, ей надо было на ком-то сорваться.

– Я так и знала… этот некромант… Дей Долл, или как его там… это он…

– Нет, это не он!

Рисковать не хотелось. Один взмах руки – и свеча у ног виконта погасла. Сизая струйка дыма взвилась ввысь, и, отлетая, смешалась с нею душа Ладиана. Освобожденное тело обмякло в кресле.

– А? Что? Как? – встрепенулась леди Лавина. – Но почему? Ведь свеча еще не…

– Сквозняк, – соврал я, не моргнув глазом. – Кроме того, лишние секунды нахождения в своем прежнем теле оборачивались для души вашего сына неимоверными страданиями…

А еще тем, что он мог бы успеть поведать, что виновником интересного положения ее бывшей невестки был вовсе не тот некромант. А что вы хотите? Образец благородства у нас Анджелин, а я простой человек! Я жить хочу, и желательно долго и счастливо.

– Что… это?

Голос Анджелина отвлек от размышлений. Бывший градоправитель стоял на коленях, во все глаза глядя на тело леди Геммы. Я опустил взгляд – и содрогнулся, когда по мертвому телу прошла судорога. Вздутый живот под моей ладонью дернулся, внезапно становясь твердым, словно каменный. Виконтесса была мертва, но в ней находилась жизнь, которая очень не хотела прерываться.

Нерожденный младенец… Какие перспективы… Не перечесть, сколько эликсиров можно приготовить из его крови! Тем более что дух Ладиана ясно сказал – это не наследник имени и титула графов Байт, это бастард без рода и племени, а значит, ни одна живая душа не вступится за этого ребенка.

Кроме души его матери.

– Именем моим, – я выпрямился, раскинув руки, – волей моей… В обмен на плату мою… – Где мой ритуальный нож? – Призываю тебя вернуться… – Так, главное, чтобы руки не дрожали, – в тело твое…

Было уже за полночь, когда я, держась за стеночку, выбрался из замка и с трудом, словно мешок с репой, кое-как взвалил свою несчастную тушку в седло. Судя по выражению лица конюха, вышедшего, чтобы проводить меня, Анджелина, стражи на воротах и морды самой кобылки, совершить такое можно было только в состоянии, близком к помешательству. Ночь на дворе, порядочные люди по домам сидят, крепко спят или жен тискают, а не шатаются бесы знают где! Мой названый брат в самый последний момент уже взял лошадь под уздцы, заглядывая в лицо с таким видом, словно колебался – оттащить некоего упрямца наверх вместе с кобылкой или все-таки сначала стряхнуть наземь. Но, к счастью, он правильно понял мрачный взгляд исподлобья и ограничился тем, что пробормотал, потрепав конскую гриву:

– Будь осторожен!

Я кивнул. Настроение было премерзким. Меня мутило, кружилась голова, пробирал озноб, а тут еще и мрачные мысли в мозги лезут… Ужасно хотелось упасть на что-нибудь мягкое, закутаться во что-нибудь теплое и заснуть, но в этом замке задерживаться не было больше сил. Так что даже обычный гонорар за вызов духа – один злотый – я ждать не стал и великодушно разрешил отдать деньги позже.

С одной стороны, все складывалось просто великолепно. Леди Гемма осталась жива, и кратковременная смерть – всего две минуты она не дышала – вряд ли могла серьезно отразиться на ее самочувствии и характере. Более того – она удивительно легко и быстро разрешилась от бремени, произведя на свет живого и здорового младенца еще прежде, чем, сбежавшись на крики леди Лавины, слуги успели перенести ее светлость в комнату. Правда, не думаю, чтобы сие событие обрадовало хоть кого-то, кроме Анджелина Маса: ибо вместо желанного и ожидаемого сына леди Гемма родила дочь. Ее положение оказалось незавидным. Будь это мальчик, леди Лавина могла бы формально считать его собственным внуком или хотя бы перенести заботы с одного вечного младенца на другого. Можно было даже, несмотря на свидетельство духа Ладиана, как-то оформить бастарда наследником, но – увы… Майорат[4] не оставлял дочери леди Геммы ни малейшего шанса, пока был жив Анджелин Мас, который, естественно, умирать не собирался.

Когда-то давным-давно леди Мас, выйдя замуж за некоего Байта и оформив опекунство над прадедом Анджелина, отняла у него все, кроме жизни и имени. А теперь все возвращалось на круги своя. Правда, открытым оставался вопрос о Дарине Байте, младшем сыне недавно скончавшегося старого графа. Но этот человек почти четверть века не подавал о себе вестей, и начатые прошлой осенью розыски пока не дали результатов. У моего названого брата, таким образом, оказались развязаны руки. Дочь леди Геммы может рассчитывать лишь на приданое своей матери, а все остальное отойдет ее опекуну. Еще год назад Анджелин Мас был никем – просто градоправителем, просто одним из слуг графини Байт. Теперь он получал все. Это не могло не отразиться на его характере и было дополнительным поводом сбежать.

Моей кобылке тоже не нравилось тащиться куда-то среди ночи, тем более ночи весенней, слякотной и довольно ветреной. Неудивительно, что она выбрала кратчайшую дорогу между двумя конюшнями, которая пролегала… правильно, куда еще может забрести некромант в растрепанных чувствах? Именно на кладбище!

До полнолуния еще была почти седмица, звезды в небе светили не все, и, если бы не вечный огонь возле храма Смерти за деревьями и далекие огни на городской стене, тут вовсе царил бы непроглядный мрак. Но где вы видели некроманта, который заблудился на своем «рабочем месте»?

Я продолжал править кобылкой, посматривая по сторонам. Самочувствие улучшилось – тошнить перестало, – но настроение не изменилось ни капли. Когда-то, прошлой осенью, если быть точным, именно здесь, на кладбище, я назначал свидания моей жене. Смерть тогда охотно соглашалась прогуляться с супругом рука об руку или присесть где-нибудь на пожухлой траве. Какие это были золотые деньки! Можно сказать, тогда я был счастлив… И какой контраст с днем сегодняшним!

Возле одной из могил на голой земле расположились три симпатичные девчушки, кутающиеся в темные накидки, из-под которых виднелись лишь подолы белых простых рубах и бледные мордашки. Все трое аж подпрыгнули, едва одинокий всадник оказался в зоне их внимания. Самая младшая – и наивная – даже привстала и кокетливо захлопала глазками:

– Мужчина, а мужчина, что вы делаете сегодня вечером?

---

[4] **Майорат** – система наследования, когда состояние передается исключительно по мужской линии.

– Пошла вон, – процедил мужчина, бросив на троицу косой взгляд.

– Фи, как невежливо! Такой красивый и такой невоспитанный! Неужели вам совсем не о чем поговорить с одинокой девушкой? Мы бы с вами нашли общий язык. – Намекая, ее язычок весьма соблазнительно коснулся приоткрытых губок.

– Сказано же – пошла вон, пока я добрый! – Ужасно хотелось на ком-нибудь сорваться, и эта нахалка подвернулась как нельзя кстати.

– Ты за это заплатиш-шь…

Она рванулась вскочить и броситься наперерез, но две ее товарки кинулись к подруге, силой вынуждая ее остановиться.

– Дура! – хором зашипели они. – Глаза разуй! Это же некромант!

– Что, правда? – Она захлопала веками.

– Кривда! – огрызнулся мрачный я. – Только вылупилась, что ли?

– А а-а-а… – Красотка часто-часто закивала. – А вы нас того… ну… не будете…

Злобного некроманта затрясло.

– Чего «не буду»?

– Ну… всякое нехорошее с нами делать, а?

Некроманта прорвало, и в течение следующих пяти минут окрестности узнали много нового о себе, жизни, смерти, покойниках, привидениях, женщинах вообще и ламиях[5] в частности. Три представительницы этого вида нежити втянули головы в плечи и хлопали веками, не решаясь даже пискнуть.

– Так что валите-ка отсюда, девочки, подобру-поздорову, – завершил выдохшийся я страстный монолог.

Две старшие девицы живенько поползли подальше, спеша притвориться чем-нибудь незаметным и безобидным вроде коряг и куч мусора, но младшая, недавно вылупившаяся – а ламии, как их родичи змеи, откладывают яйца, – только склонила головку набок:

– Проблемы?

Мы с кобылкой фыркнули хором:

– А у кого их нет? Вы вот, например, какого беса выползли так рано?

Собственно, в появлении на кладбище ламий нет ничего странного. Эта нелюдь селится в таких вот уединенных местах, где чувствуется смерть. Недалеко, за деревьями, находился храм Смерти и небольшой монастырь, где жили ухаживавшие за храмом и кладбищем монахи, именовавшие себя смертниками – за то, что хранили верность Смерти. Каждый из них в глубине души лелеял надежду, что после кончины именно он удостоится чести быть принятым своей сверхъестественной «невестой» с особыми почестями и займет место ее супруга. Увы, иногда реальность сводит на нет самые смелые мечты. Супруги Смерти – реально существующие люди. И для того чтобы стать одним из них, вовсе не обязательно умирать. Нынешний супруг, как уже было сказано, – я, стою тут собственной персоной. Но монахи-то в это не верят! Более того, лишь раз или два нам с благоверной удавалось встречаться в храме – меня как самозванца и конкурента оттуда чуть ли не поганой метлой гоняли. Вообще-то в крупных городах возле каждого храма живет свой некромант, но Большие Звездуны невелики, у города просто в казне нет денег содержать еще одну штатную единицу. Лично я, хоть и считался полноправным некромантом, получал вполовину меньше своего напарника, всего три злотых, а не пять, как мэтр Куббик.

Кстати, о монахах и некромантах! Ламии обычно выползали и начинали охотиться за мужчинами намного позже, когда окончательно исчезал снег, и все вокруг зеленело, а ночи становились достаточно теплыми, чтобы можно было переночевать на травке. Нам с мэтром

[5] **Ламии** – полуженщины, полузмеи, отнимают жизнь у молодых мужчин, вступая с ними в половую связь. Чаще всего объектами их охоты становятся монахи.

не вменялось в обязанности охотиться на них – на это существует гильдия ведьмаков. Но убивать в целях самозащиты никто не мешал. Так что пусть только сделают шаг… Трое против одного – нормальный расклад.

Перемахнув ногой через переднюю луку седла, спрыгнул наземь. Меч с тихим шелестом покинул ножны.

– Ну?

– Э-э… мы пойдем. – Старшая ламия попятилась, за локти оттаскивая товарок. – Погода хорошая… птички поют… все тихо… мирно… мы просто гуляем…

– Стоять!

– А может, не надо? – Теперь испуг был написан на мордочках всех троих.

– Надо, ой как надо…

– А мы что? Мы ничего! – заканючили ламии, перебивая друг друга. – Мы ж не виноваты, что нас разбудили…

– Кто?

– Не поняли мы…

Ну конечно! Как и любая нежить, питающаяся энергией, ламии не могли не почувствовать сквозь сон ее резкие колебания. Сразу после пробуждения они, как правило, жутко голодны и кидаются на первого встречного и тогда действительно могут убивать людей, выпивая их силу и жизнь до капли. Лишь потом, насытившись, становятся более разборчивыми и часто оставляют жертву в живых. Они ощутили подле своей лежки мощный всплеск энергии и выбрались в надежде попробовать на вкус лакомый кусочек. Но он оказался не по зубам – или просто успел убраться куда подальше, оставив нежить ни с чем. Кто бы это мог быть? Ответ очевиден – тот самый тип, который уже обокрал ведуна на хуторе Веселом.

– Где он?

– Э-э… кто?

– Тот, кто вас разбудил!

– Мы не знаем! – Ламии пятились, не сводя глаз с моего мрачного лица. Чего они так трясутся, ума не приложу? Я же безобидный некромант! Ну убью сгоряча, подумаешь… Так потом сам и оживлю. Несколько раз.

– Девочки, вы куда? – воззвал я, когда троица резко прибавила ходу. – А поговорить?

«Дома поговорим!»

А? Что? Где?

Возле ближайшего могильного камня возникла знакомая фигура. Светлое платье, плащ-саван на плечах, ветер треплет волосы.

«Д-дорогая? А ты что тут…»

«Встречаю кое-кого… – В голосе Смерти столько холода, что только скалки в руке не хватает. – *Беспокоюсь тут о нем… А он, видите ли…»*

«А ничего не было! Не было ничего! Мы с девочками просто разговаривали… О погоде и природе… Правда ведь, девочки?»

Но ламий и след простыл. Все верно: нежить-то они нежитью, а умереть боятся.

«Ну почему все так получается? – воззвал в пустоту. – Чего такого я им сделал? Ведь я же не ведьмак, в конце-то концов!»

«Видел бы ты свое лицо в тот момент! Тут и мертвый бы испугался… Ну ладно, пойдем… благодетель…»

По тому, каким тоном было произнесено последнее слово, стало ясно, что Смерть прекрасно осведомлена о событиях в замке. И плевать, что в критический момент ее присутствие не ощущалось, – в ту минуту мне было слегка не до того.

«И вообще, дорогой, в следующий раз хоть по сторонам посматривай, что ли! Слишком часто ты воскрешать народ начал…»

«А что, нельзя?»

«Ты же у нас некромант! Тебе положено заниматься прямо противоположным делом…»

«Знаешь, дорогая, убийц и без меня на этом свете хватает. А я…»

«Не хочешь быть таким, как все, – договорила вместо меня моя супруга и, приблизившись вплотную, положила руки на плечи. – *За это и выбрала…»*

Вишневые уста коснулись моих губ.

«Не желаю делить тебя с кем-то еще, – послышался страстный шепот. – *Или мой – или ничей! А эти потаскушки-ламии пусть подавятся! Ни капельки не отдам!»*

Не помню, как добрался домой и добирался ли самостоятельно. Ибо глаза на другое утро разлепить довелось в заваленном вещами коридоре, я лежал, свернувшись калачиком на каком-то тулупе и подложив под голову сапоги. И проспать бы мне подольше, но в тесном коридоре и так повернуться негде, а если тут еще всякие сонные некроманты конечности разбрасывать будут… Короче, споткнулись об меня.

– Ай-й-й! Дяденька Згаш?

Динка. Девчонка, которую в конце прошлого лета довелось подобрать на хуторе, прижилась в холостяцкой берлоге и даже самостоятельно взвалила на хрупкие плечики обязанности помощницы госпожи Гражины по хозяйству. Сейчас она, видимо, куда-то очень спешила и под ноги не смотрела, за что поплатились оба.

– Дяденька Згаш, а чего это вы тут…

– А где это я «тут»?

Держась за отбитый бок, кое-как принял сидячее положение.

– Ну на полу, а не…

– Згаш? – В приоткрытую дверь просунулась голова моего начальника и партнера. – А что это вы тут делаете?

– Мы тут того… спим. – Я встал, держась за стеночку. Ой, мама родная! Что ж мутит-то так? И перед глазами все расплывается… И тошнит… Вот гадство…

– А ну-ка. – Крепкая рука вцепилась в локоть. – Динка, марш на кухню и принеси воды.

– Ага! – кивнула макушкой шустрая девчонка и умчалась, а меня потащили в большую комнату и запихнули в кресло.

Судя по тому, как решительно было сие проделано, ее светлость Варежка изволила нежиться в другом месте.

– Признаться, – пыхтел мэтр Куббик, стаскивая со слабо сопротивляющегося меня верхнюю одежду, – мы вас домой и не ждали вчера вечером. Думали, явитесь только сегодня, да и не в такую рань… И мертвечиной от вас разит так, словно вы на кладбище побывали…

– А я там был…

– И зачем? Что, возникли осложнения?

– Еще какие! Мэтр, леди Гемма…

– Вот, дяденьки!

Мы обернулись – пыхтя и сосредоточенно хмуря лобик, Динка подтащила к нам целое ведро воды. Обычные деревенские девчонки в ее возрасте – одиннадцать лет – такие тяжести спокойно ворочают, но для маленькой тощей Динки полное воды ведро было неподъемным.

– И какого лешего ты все ведро приперла? Достаточно было одного ковшика, – отругал девочку мэтр, но тут же кивнул головой. – Впрочем, и это подойдет!

Поставив ведро перед креслом, он схватил меня за волосы и заставил резко нагнуться, безжалостно окуная головой в воду.

– Ой, мама!

– Встать! – прозвучал приказ. – И марш на крыльцо!

Пришлось подчиниться. Там на ступеньках вода была вылита прямо на меня.

– А теперь марш обратно, к огню! Сушиться, переодеваться, греться… Динка, соберешь мокрые тряпки и сложишь на крыльце. Потом принесешь ему запасные штаны и рубашку.

Четверть часа спустя относительно сухой я сидел в кресле у камина, грел в руках бокал с вином и торопясь, между глотками, пересказывал мэтру Куббику свои приключения.

– Что ж вы сразу не сказали, что с женой виделись? – пожурил меня мой напарник. – Не пришлось бы вас мыть…

– А вы мне дали слово вставить? – Я сделал большой глоток. – И потом, по сравнению с тем, что произошло вчера в замке, это такие пустяки…

– Да, – мэтр задумчиво посмотрел в огонь, – интересно, что будет дальше!

Дальше произошло то, о чем я думал, но не верил. Пришедшая с базара час спустя госпожа Гражина поведала сногсшибательную новость: только что на главной площади Больших Звездунов торжественно объявили, что у виконта Ладиана Байта родилась дочь, Луна Байт. Сообщение было сделано от имени графини Байт, бабушки новорожденной, и, хотя ни слова не говорилось о том, что девочка названа наследницей имени, титула и земель, легко было вообразить, как обрадовался этому событию Анджелин Мас. Опекунами малышки были названы леди Лавина Байт и сам бывший градоправитель. Надо думать, это последнее обстоятельство его просто убило. В ближайшие полтора десятка лет носиться как с писаной торбой с дочерью женщины, которую он ненавидит! Говорят, что от любви до ненависти всего один шаг. Я слишком хорошо знал своего названого брата, чтобы сомневаться в том, что он когда-либо его сделает.

А это – увы и ах! – означало, что у того, кто сделал ему такой подарочек, скоро будут проблемы.

– Мэтр, мне надо уехать, – произнес я, едва мы с напарником остались наедине.

Вывалив на нас новость, госпожа Гражина ушла на кухню, Динка умчалась с нею, так что никто, кроме вернувшейся с утренней прогулки Варежки, нам не мешал.

– Надо, – кивнул мэтр Куббик, – но куда?

– Сам не знаю! К родителям, в отпуск, в столицу, на край света… Хотя бы на пару седмиц! Пока тут все не успокоится…

Мы некоторое время сидели молча, думая каждый о своем. Явился Зверь, тут же атакованный нежно шипящей Варежкой, положил к ее лапкам лягушку, получил по уху за все свои труды и ретировался, в то время как кошка, мученически закатывая глаза и поминутно постанывая, с видом: «Какая гадость! Но раз это доктор прописал…» – принялась поглощать добычу.

На дворе послышались шаги, по крыльцу застучали сапоги. Мэтр вскочил и шагнул к окну, а я малодушно скорчился в кресле.

– А куда это вы так спешите? – послышался раскатистый красивый бас.

– По делам к господарям некромантам, пра[6], – ответили ему.

– И что же за дела могут быть у егеря курьерской службы в этой обители зла?

– Письмо.

– Давайте мне, я передам!

– Нет-нет, это моя работа, пра!

– А для меня это удовольствие. Давайте свое письмо! Давайте-давайте, сын мой!

– Отпустите меня, пра!

– А вы не сопротивляйтесь!

– Не выкручивайте мне руки!

---

[6] **Пра** – обращение к священнику, от слова «правь» – «правда».

– Начнете упираться, будет больно!

– Ай! Что вы делаете?

– Я же предупреждал…

– Я при исполнении! Побойтесь Прове-справедливого![7]

– Не поминайте имени божеского всуе. – Короткая возня, глухой стук и назидательное: – А то я покараю!

– Это произвол и насилие над личностью, – послышался плачущий голос егеря. – Как вы смеете? Это письмо…

– Я сам передам. А ты изыди, и да благословят тебя боги, сын мой! Иди-иди, нечего тут…

По этому диалогу можно было догадаться, что нашу скромную обитель навестил новый священник Свентовита, присланный взамен прежнего, который в прошлом году активно помогал Гебриану Чернореченскому в его замыслах. Отец Бжемыш был немного старше мэтра, энергичный, шумный и не только проповеди умел произносить, но и кулаком в челюсть заехать тоже мог профессионально.

Он вошел к нам, даже не вошел, а ворвался, размахивая запечатанным пергаментом, как стягом:

– Мэтры, вот что я вам принес! Конечно, это не мое дело – почту таскать, но такой обходительный вьюнош… Так умолял меня ему помочь… Просто чуть на колени не падал, всеми богами заклиная… Вот из человеколюбия я и взял на себя смелость немного помочь… Ох, боится у нас еще народишко некромантов!

Отец Бжемыш – поперек себя вдвое толще, но не от жира, а от мускулатуры, бородатый, вечно всклокоченный – мигом заполнил собой просторную комнату. Судя по некоторым оговоркам, в провинцию его отправили аж из столицы за многочисленные скандалы – в крупных соборах обычно служит не один священник, а несколько, и отец Бжемыш, такой вот «запасной», в отсутствие настоящего дела развлекался на досуге, как хотел. Пьянки, гулянки, девочки, драки так достали местное руководство, что они при первой же возможности предоставили буяну отдельный приход, запихнув его в провинцию с глаз долой. Но пра Бжемыш не унывал, продолжая оставаться таким же шумным и энергичным, как в первый день.

Пока он по-хозяйски шарил в запасах мэтра Куббика, тот вскрыл пергамент и пробежал его глазами сверху донизу.

– Ну, Згаш, кажется, боги к вам благосклонны, – произнес он. – Нашему коллеге Йожу Белле из Добрина требуется помощь!

[7] **Прове-справедливый** – бог-покровитель законов и судебного дела.

Глава 3

Город Добрин был центром местного воеводства, раза в три крупнее Больших и Малых Звездунов, вместе взятых. Настоящая крепостная стена опоясывала кольцом старую часть города, въездных ворот было двое, посады раскинулись на пару верст вверх и вниз по течению реки Прановы, на берегу которой и стоял Добрин. Наведя справки, удалось узнать, что храмов в нем было четыре: набольший, где стояло изваяние Свентовита, храм Смерти – естественно, рядом с кладбищем, в посадах, храм Во́ды, богини рек, и храм Прове-справедливого. Город немногим уступал столице, и в северной четверти королевства был самым большим. Вот только городской «штатный» некромант в нем был всего один – тот самый Йож Белла, который меня и пригласил.

Его дом стоял в черте города, у самой крепостной стены, окруженный средних размеров садом. Выложенная камнями дорожка вела к массивному крыльцу, над которым высились еще два этажа и чердак, где, судя по высоте крыши, можно было устроить если не еще одну-две комнаты, то лабораторию уж точно. Справа и слева от крыльца высились две декоративные башенки.

Оставив коня у калитки, я осторожно сделал несколько шагов, озираясь по сторонам. Никто из некромантов не любит незаконного вторжения в свое жилище – достаточно вспомнить восемь ловушек мэтра Куббика.

Дверь распахнулась, когда я того не ждал, и на пороге возник хозяин дома – высокого роста, крепкого сложения, темноволосый мужчина лет сорока, чуть ли не до глаз заросший бородой, несмотря на погоду одетый во что-то похожее на подбитое мехом пальто и чем-то напоминающий медведя. Некоторое время мы молча пялились друг на друга.

– Вы кто? – прозвучал наконец недовольный голос.

– Э-э… Згаш Груви, к вашим услугам… Коллега?

– Откуда?

– Из Больших Звездунов.

– Зачем?

Опа! Как это понимать?

– Вот, – сунул руку за пазуху, достал слегка помявшийся пергамент. – Вы писали… просили помочь… подменить и…

– Ну наконец-то! – Громкий голос заставил мою кобылку нервно дернуться на привязи. – Это же здорово, мэтр Груви! Вы так быстро приехали! Признаться, не ожидал вас так скоро. Думал, не меньше месяца будете раскачиваться: дороги, знаете ли, распутица, личные проблемы… Вы один? – С высоты крыльца мне пристально посмотрели через плечо.

– А… э-э… да.

– В смысле без жены и детей? Шутка! Проходите и прошу извинить за холодный прием!

Я переступил порог.

– Йож. Йож Белла, к вашим услугам, мэтр! – Хозяин дома энергично принялся трясти протянутую длань. – Вы не представляете, как вы вовремя явились!..

Перемена в хозяине свершилась разительная. Минуту назад это был мрачный тип, недовольный всем миром, а сейчас передо мной рассыпался в извинениях и любезностях открытой души человек.

– Ваше имя, коллега?

– Згаш. Згаш Груви. Вы писали моему напарнику мэтру Куббику, но…

– Вы совершенно вовремя явились, мэтр Груви, – громогласно вещал хозяин дома, проталкивая гостя в большой холл. – Абсолютно вовремя!

– У вас проблемы? – Я честно попытался вспомнить, проезжал ли мимо кладбища. Часто по его размерам и по количеству свежих могил можно судить о том, насколько хорошо живут местные жители и как много работы у здешнего некроманта. Нет, увы, но кладбище осталось в другой стороне от дороги.

– Я просто устал. – Хозяин дома уселся на высокий стул с резной спинкой и жестом предложил сделать то же самое. – Десятый год без отпуска и выходных! Повезло вам и вашему напарнику – вас есть кому подменить! А тут… все один да один…

– А что, в городе больше нет некромантов?

Простой вроде бы вопрос заставил собеседника напрячься. Еще несколько секунд назад это был обычный человек – и вот уже он словно окаменел. Даже черты лица как-то странно исказились. Хм… На оборотня вроде не похож. С чего это так физиономию перекосило?

– У моих коллег и без того много дел, – наконец пришел ответ.

– Коллег?

– Да, при храме Смерти живет мой коллега Дубин Твист и его помощник. Но, когда я обращался к ним, мне отказали в жесткой форме…

Вот оно что! Никому не охота взваливать на себя чужие проблемы! Видимо, мэтр Дубин – узкий специалист, поднаторевший лишь в вызывании духов, и не хочет тратить время на прочее, а его помощник явно тот еще «умник». Может, и не помощник вовсе, а просто студент-практикант. Кто ему доверит целый город?

– Но вам я могу довериться? – Коллега словно прочел мои мысли.

– Да, вполне. Хотя я работаю не так давно, всего десять месяцев, я уже успел… э-э… обзавестись опытом.

Такой ответ мэтра Йожа вполне удовлетворил.

Мы сидели в просторной полутемной комнате, такой большой, что ее легко в случае чего перегородить на две, а то и три. Массивный камин – целую свинью можно зажарить! – несколько стульев с высокими резными спинками, в глубине, в полутьме, большой обеденный стол, сейчас заваленный какими-то бумагами, пара шкафов и высокий стеллаж с книгами. На стенах – несколько небольших гобеленов и, что было особенно удивительно, картины – мода на рисунки пришла сравнительно недавно. Четыре высоких окна – по два с каждой стороны от входной двери – из-за массивных рам не пропускали достаточно света, так что почти половина комнаты оказалась погружена в сумрак. Я насчитал несколько дверей: две в дальней стене, еще две справа и слева, близко от входа. Три из четырех были приоткрыты, из одной доносились соблазнительные запахи кухни, слышались негромкие голоса двух женщин, постукивали ножи, что-то булькало и шкварчало. Госпожа Гражина, наша домоправительница и кухарка в одном лице, приучила меня к обильным трапезам – раскормила, если быть правдивым, – и я принюхался с удовольствием.

От дальнейших расспросов отвлекли шаги – из боковой двери неспешно выплыла женщина, ненамного старше меня, в закрытом темном платье.

– У нас гость, Йож? – поинтересовалась она слабым голосом.

Я вскочил. И менее внимательный человек заметил бы, что она беременна.

– Да. – Коллега лишь чуть-чуть приподнялся на стуле, и женщина подошла к нему, встав рядом. – Молодой человек из Больших Звездунов откликнулся на письмо и приехал, чтобы подменить меня на некоторое время.

– Очень приятно, – усталым голосом сказала женщина.

– Это, – он погладил ее по животу, – одна из главных причин, по которой мне хочется уехать хотя бы ненадолго. Не хочу, чтобы ребенок Марты появился на свет здесь, в этом городе. Мы уедем на несколько седмиц. Вы согласны?

Я в ответ пожал плечами. По мне так место рождения никак не влияет на судьбу человека. И чем плох этот город?

– Вы женаты? – спросила женщина.

– А-а… ну… – Говорить правду почему-то не хотелось. – Почти.

– У вас есть невеста? Вы помолвлены?

– Да. Моя возлюбленная…

– Наверное, будет скучать в разлуке. – В голосе женщины звучала вежливая усталость. Ей было трудно стоять, но муж не предложил жене сесть, а мне не слишком хотелось влезать в их отношения.

– Она… найдет, чем скрасить часы вынужденного одиночества!

Подумалось о Смерти. Нет, в случае чего благоверная отыщет меня и на краю света, но все-таки хотелось, чтобы она была рядом. Чтобы можно было вот так дотронуться рукой до ее талии…

Повисшую в разговоре паузу неожиданно заполнил… мешок. Да-да, тот самый, с личными вещами. Вернее, один из них, поскольку все пожитки пришлось распихать в два, для равновесия, – там была одежда, запасные сапоги, кое-какие книги, всякие мелочи. Зайдя в дом, я сложил их возле камина, чтобы потом отнести в предназначенную для меня комнату. И вот один из них внезапно ожил и… зашевелился!

– Ой! – Госпожа Марта внезапно побледнела, наваливаясь на спинку стула своего мужа. – Мамочки!

Мэтр Йож вскочил, хватаясь за висевший на боку кинжал. Вскинул другую руку в отвращающем жесте:

– Что это?

Я тоже схватился за нож. Странно, но лезвие оставалось тусклым и безжизненным – верный признак того, что нежитью тут не пахнет.

– Не знаю. В вашем доме…

– Это *ваш* мешок, коллега! Что вы в него напихали?

Мешок тем временем подпрыгнул и завалился набок. Его внутренности ходили ходуном, изнутри раздавались сдавленные звуки, напоминавшие… напоминавшие… что-то было в них очень знакомое. Но *откуда*?

– Вы что? – хором ахнули супруги, когда я схватил мешок и весьма непочтительно встряхнул, вываливая содержимое на пол.

Несколько книг, пара холщовых мешочков с травами-приправами, перевязанные веревочкой могильные свечи, кошель с амулетами, носки, кальсоны и… здоровенный черный кот, который, видимо, цеплялся когтями изнутри, почему и рухнул на эту куча-малу последним. Тут же вскочил, энергично встряхнувшись и, вздыбив шерсть на загривке, обвел всех мрачным взглядом.

– Ты?

– Что. Это. Такое? – чуть ли не по слогам произнес мэтр Йож.

– Так. Ничего. Кот. Просто кот, – представил я животное, и пришельца затрясло. – Зовут Зверем. Он… э-э…

– Вы уверены, коллега, что *вот это* – просто кот? – Мэтр заслонил жену собой и держал кинжал наготове. – Как *оно* сюда попало?

– Э-э… нелегально. Я не хотел, честное слово… Ты, – последняя реплика относилась к коту, – зачем в мешок залез? Ты там спал?

Черный котяра смерил меня взглядом и скривился так, что и без перевода было понятно.

– Ага, сбежал, значит? Сильно она тебя достала?

– Ум-м-м-ф…

– Понятно. – Я покосился на госпожу Марту и решил не рассказывать этим двоим о том, что мой кошак удрал от подруги, пребывающей в таком же «интересном положении». Еще обидятся! – Это мой кот.

– И давно он у вас, мэтр?

– Ну примерно год. А что?

– Ничего. – Мэтр Йож не спешил убирать кинжал. – И за все время вы не заметили за ним ничего сверхъестественного?

Кота опять затрясло, и пришлось срочно хватать животное на руки. Его мускулистое тело извивалось, желая вырваться на свободу, но когти, хвала всем богам, Зверь пока в ход не пускал.

– Жрет он сверхъестественно много, – пришлось сообщить. – И вот такие иногда номера откалывает. А так обычный кот… Крыс ловит.

И не только крыс. Некстати вспомнилось, как прошлой осенью котяра атаковал Гебриана Чернореченского, который загнал меня в угол и чуть было не пришиб.

– Нет, это обычный кот, прошу не сомневаться!

– Да мы особо и не… Вы отвечаете за него?

Мы с котом посмотрели друг на друга. Что мэтр Йож имел в виду?

– Отвечаю, – наконец сказал я.

– Тогда – под вашу ответственность, коллега… Распорядись, чтобы обед подавали как можно скорее, Марта, – тоном, не допускающим возражений, приказал жене мэтр Йож, и та послушно уплыла в сторону кухни. – Если вы хотите, чтобы ваш… э-э… спутник тут остался, вам придется как-то его контролировать.

Шерсть на загривке Зверя встала дыбом, но я держал его крепко.

– Мы держим прислугу, – объяснил хозяин дома, немного помолчав. – Когда я жил один, госпожа Труда легко справлялась со всем. Марта первое время ей во всем помогала, но госпожа Труда стареет, а Марте положение не позволяет много работать, так что недавно я нанял еще одну женщину. Она готовит, стирает, ходит с Мартой на рынок. Я получаю от города двенадцать злотых, два плачу слугам… Есть еще сын госпожи Труды – он ухаживает за лошадьми, убирает двор, колет дрова. Он нелюдим, так что вы его почти и не увидите… Но вы можете не беспокоиться – когда мы с Мартой уедем, ту женщину я рассчитаю. Останутся только госпожа Труда и ее сын. Им уже заплачено за месяц вперед, ну и вам я оставлю кое-что на расходы. Десяти злотых вам хватит?

Я присвистнул – моя зарплата была в три раза меньше.

– Ну смотря на сколько…

– Месяца на два, вряд ли больше. Марте рожать через две седмицы, так что пока родит, пока оправится сама и пока окрепнет для дороги младенец… Этого, конечно, мало, но аренда за дом уже уплачена, и вам ведь ничто не мешает брать за свой труд дополнительную плату?

Он подмигнул, и я храбро кивнул в ответ.

После обеда, происходившего в той же комнате, госпожа Марта прилегла отдохнуть, а мэтр Йож показал мне дом. Первый этаж занимала большая комната, просторная кухня и кладовая. Две лестницы вели наверх. На втором были жилые комнаты – числом шесть. На третьем – еще три комнаты, просторная библиотека и лаборатория. Слуги спали на четвертом этаже, практически на чердаке. Кроме лошадей и конюшни, в хозяйстве моего коллеги имелись куры, гуси, кролики и коза. За всей этой живностью тоже надзирал сын госпожи Труды.

Видимо, хозяева давно уже подготовились к отъезду – пока я кое-как раскладывал свои вещи по углам в выделенной мне комнате, к крыльцу подали повозку, на которую сложили несколько плетеных сундуков и пару узлов. Затем туда же взгромоздились хозяева – и мне

осталось лишь помахать им рукой на прощанье. Вот так, не успев и глазом моргнуть… И в курс дела не ввели – что тут да как…

Проводив взглядом повозку, оглянулся на кровать. Ширины она была такой, что тут вполне могли бы улечься двое, если не трое, и еще останется место для парочки вольготно раскинувших лапы котов. Один из них в наличии имелся – сидел на краешке, обвив лапы хвостом и пристально глядя на хозяина. Некстати вспомнилось, что про него говорил мэтр Йож.

Я подошел и присел рядом, заглядывая в изумрудно-зеленые глаза:

– Ты кто, Зверь?

Кошак раздраженно дернул хвостом и, естественно, ничего не ответил.

– Ты… шишига? Каркоруш? Бес?[8]

Снова нет ответа. Только зеленые глаза смотрят как-то слишком разумно. Да, я гнал от себя мысль о том, что передо мной не обычный кот. Но все-таки…

Порывшись в мешке, достал коробочку с серым мотыльком-душой. Она – душа ведуна – спала, зачарованная заклятием долгого сна.

– Знаешь, что это такое? – сунул под нос коту насекомое.

– М-ф, – утвердительно ответил кот.

– Охраняй. Понял?

– Ум-рм. – Снова согласие.

– Ты понимаешь, что я хочу тебе поручить?

– Мм-м-мр… – Он почти что кивнул головой.

– И ты понимаешь мои слова…

На сей раз кот ничего не произнес, но посмотрел так, что сразу стало понятно – я сморозил очередную глупость. Ну конечно! Если он не кот, а некая сущность, так или иначе, по собственной воле или чьему-то умыслу заключенная в тело животного, то он просто не может меня не понимать.

– Но почему ты последовал за мной? Не верю, что это Варежка тебя так достала… Хотя, если ты обладаешь разумом, а она – нет… Но все равно, это не повод! Или мы с тобой как-то связаны, или… ты знаешь то, чего не знаю я!

Черный кот осторожно и вместе с тем снисходительно потрепал лапой меня по колену – мол, не бери в голову, все образуется! – соскочил с кровати и важной походкой удалился исследовать дом и окрестности.

Спалось в ту ночь плохо. Сначала я долго не мог заснуть, ворочаясь с боку на бок на слишком широкой и мягкой с непривычки постели. Откуда-то с чердака доносились странные звуки: то ли ветер свистел, то ли ветки деревьев скребли по подоконникам. Призраков и нежити заметно не было, но все равно неприятное ощущение мешало расслабиться.

Вскоре после полуночи вернулся Зверь – я узнал его по горящим глазам. Сперва кот чем-то – или кем-то – смачно чавкал на полу, а отобедав, запрыгнул на постель и принялся с урчанием умываться. Под его мурлыканье наконец удалось уснуть…

…чтобы тут же приснился кошмар.

Я опять был в Колледже. Последняя лекция, но вместо ожидаемого преподавателя заходит мэтр Йож. Одет он почему-то в домашний халат и шлепанцы на босу ногу.

– Позвольте вас поздравить, господа студиозусы, – бодрым тоном произносит он, останавливаясь перед кафедрой. – Сегодня вам повезло – вы раньше срока сдаете экзамен по новому предмету…

[8] Перечислены разновидности мелкой нечисти, селящейся вблизи человеческого жилья.

Аудитория разражается удивленными и недоуменными воплями: «Как? Что? Почему? Нас же не предупредили…»

– Новые веяния требуют новых неординарных решений, – сообщает мэтр Йож, переждав волну возмущения. – Это – эксперимент. Если все пройдет удачно, все школы и Колледжи станут учиться завтра так, как вы учитесь сегодня. Итак, открываем тетради и пишем: «Контрольная работа по теме «Этика и психология семейных отношений».

– Контрольная? Уже? – послышались голоса. – Но у нас не было ни одной лекции…

– А это вы и так должны знать. Кстати, кто не ответит хотя бы на один вопрос, будет отчислен из Колледжа. Итак, записываем первый вопрос экзамена…

– А разве билетов не будет? – подал голос кто-то из задних рядов.

– Нет. Я задаю вопросы, вы пишете ответы. На каждый вопрос дается три минуты. Кто не успел – пропускает вопрос, не отвечая на него.

Веселая перспектива! Особенно в свете обещания отчислить из Колледжа того, кто не ответит хотя бы на один.

– Итак. – Возглас заставил вздрогнуть. – Первый вопрос: «Критерии вмешательства в межличностные отношения семейной пары в зависимости от степени развития комплекса неполноценности: а) мужа, б) жены, в) третьего лица»… А специально для Згаша Груви дополнительный вопрос…

И тут я проснулся в холодном поту.

Несколько дней спустя я в одиночестве сидел за большим накрытым столом и уныло ковырялся ложкой в миске с овсянкой. Эх, где вы, разносолы госпожи Гражины? Почтенная госпожа Труда, сгорбленная старуха восьмидесяти лет, кажется, умела готовить только три блюда: овсянку, яичницу и овощной суп. Причем если она забывала вовремя снять этот последний с огня, вода вся выкипала, и тогда вместо супа подавалось слегка пригорелое овощное месиво. Из напитков предлагались либо домашняя сливянка, либо козье молоко, либо простая вода. М-да, разбаловался ты, мастер Згаш Груви! Забыл, как совсем недавно был голодным студентом и мог слопать старые кожаные сапоги, если за несколько дней до очередной стипендии заканчивались деньги и запасы еды. Правда, иногородних студиозусов подкармливали в столовой, но поварами там служили монахи и трудились они спустя рукава, явно действуя по принципу: «Интересно, а они *вот это* сожрут?»

Единственным плюсом местной кухни было то, что ко всем этим блюдам прилагались толстые, с палец, куски кровяной колбасы, а однажды я удостоился даже обрезков копченого окорока. Как мне, недовольно морщась и кривясь, объяснила госпожа Труда, если молодой господарь желает разносолов, то пусть сам их и покупает, благо до ближайшей продуктовой лавки не так далеко. Десять злотых в месяц – достаточно большая сумма для того, чтобы совсем перебраться столоваться в ближайший трактир, но привычка экономить уже так прочно сидела внутри, что я продолжал давиться овсянкой, яичницей и супом-пюре, решив держаться до последнего.

Первые три дня миновали, лишенные каких бы то ни было событий. В ожидании заказов я исследовал дом вдоль и поперек. Как мне объяснили, ходить я могу везде, кроме запертых комнат. Таковых оказалось всего три – спальня хозяина, спальня хозяйки и комнатка, которую они приготовили для будущего малыша. Что ж, вполне логично, тем более что в моем распоряжении оказалась обширная библиотека, лаборатория и что-то вроде музея. В этом доме, оказывается, жило уже три поколения некромантов – мэтр Йож Белла был четвертым, – и каждый оставил что-то о себе на память. Старинные гравюры, личные вещи, обрывки шкур разных тварей – кто-то из его родственников был членом гильдии ведьмаков, то ли двоюродный дед, то ли троюродный дядя по отцовской линии, – черепа и кости, использованные и потому бесполезные артефакты, камни необычной формы, засушенные листья и цветы редких растений, чьи-то дневниковые записи. Некоторые экспонаты еще

можно было использовать на практике. Особенно впечатлила голова упыря, прибитая над камином. Выражение лица не поддавалось описанию. А вот снятая чулком шкура волкодлака произвела тягостное впечатление. У мэтра Куббика, помнится, был знакомый волкодлак. Явившись в Большие Звездуны летом в разгар описанных событий, он прожил в доме до первого снега, потом исчез и с тех пор не подавал вестей.

На четвертый день стало скучно. Если весь месяц пройдет так, через пару седмиц я повешусь от скуки! Уж на что Большие Звездуны невелик городишко, но чтобы в течение трех дней в нем самом и его окрестностях не произошло вообще ничего, требующего вмешательства некромантов? Такое случалось крайне редко. Мы сопровождали похоронные процессии, вызывали духов умерших, в отсутствие ведьмаков нейтрализовали нечисть, просто давали консультации… Пра Бжемыш тоже не давал скучать, то зазывая мэтра Куббика к себе, то являясь «для собеседования». Заканчивались эти встречи одинаково – совместными попойками, когда мне приходилось либо волочить невменяемое начальство домой, либо транспортировать тушу орущего похабные песни святого отца к нему.

Стоп, а это мысль! Нет, не сходить в какой-нибудь храм с предложением местному пра пропустить по кружечке, а самому пройтись-проехаться по городу и поискать себе работу и приключений! И начать, пожалуй, стоит с кладбища. Во-первых, это рабочее место некроманта, а во-вторых, при местном храме Смерти живут мои коллеги. Неплохо бы представиться, а то в случае чего неудобно получится.

Спускались сумерки, поданная на ужин овсянка – судя по ее состоянию, это было то, что осталось от завтрака, – успела опротиветь. Пропихнув за щеку несколько ложек для очистки совести, я встал и, запив все это кружкой наливки, решительно направился на конюшню.

Глядящий исподлобья сын госпожи Труды, мужик лет пятидесяти, заросший бородой, как и хозяин, но, в отличие от него, производивший впечатление слабоумного, молча кивнул головой и быстро оседлал кобылку. Распорядившись калитку не запирать, но отправляться отдохнуть – что я, сам свою лошадь не расседлаю? – поскакал прочь.

Весна выдалась хоть и дружная, но довольно прохладная, особенно по сравнению с прошлым годом. Снег растаял, лишь в тени оставались перемешанные с накопившимся за зиму мусором сугробы. Повсюду были лужи, по улицам текли ручьи, под копытами кобылки хлюпала грязь. Сегодня опять похолодало, дул резкий пронизывающий ветер. Ночью вполне мог пойти и снег.

Пока добрался до цели поездки, спустились синие сумерки. Как везде, большая часть кладбища заросла деревьями, которые испокон веков высаживают на могилах. В столице, например, кладбищ было три, из них одно такое старое, что там давно уже никого не хоронили. Эдакий городской парк, где из травы по обочинам тропинок тут и там выглядывают старые надгробные камни с полустертыми письменами. У нас там на первом курсе была практика по вызову духов – среди могил жило несколько привидений, которые от скуки активно сотрудничали с Колледжем.

Кладбище Добрина было еще нестарым – судя по особой ауре места, здесь начали хоронить народ не более двухсот лет назад. В сумерках проступали силуэты деревьев и кустов шиповника.

Сам храм являл зрелище величественное – массивное здание, на крыльце которого замерли две статуи, символизирующие скорбь. Справа и слева виднелись низкие домишки монахов-смертников. Интересно, а где живут мои коллеги? Вряд ли в кельях. Наверняка у местного некроманта и его помощника есть дом поблизости. Вот сейчас войду, отыщу дежурного «смертника» и выясню адреса.

Я уже поставил ногу на ступеньку крыльца, когда донесшийся со стороны кладбища звук привлек внимание.

Кто-то еще не спит? С одной стороны, нормально, а с другой – подозрительно: уж больно странный был звук. Да еще в такое время… Это подозрительно!

Короткий «городской» меч сам прыгнул в руку. Другая рука зашарила на поясе – в кошеле своего часа дожидалось несколько боевых амулетов, выписанных по почте полгода назад. В крайнем случае подниму одного-двух покойников и натравлю на возмутителя спокойствия. Пусть это и не мой город, но…

Неслышно, словно тень – аж сам себе завидовал! – я обогнул выстроившиеся в рядок домики монахов и углубился в заросли, которых тут было предостаточно. Та-ак, с какой стороны доносился этот звук?

Стоило чуть напрячься, как по нервам буквально ударило разрядом «сырой» энергии. Обычно ее предварительно облекают в какую-нибудь форму, произнося то или иное заклинание, но здесь…

Прибавив шагу, перешел на бег, углубившись в старую часть кладбища. Сюда, наверное, и монахи-«смертники» редко заглядывают. Большинство здешних надгробий давно ушло в землю, но некоторые были относительно свежими. И это была как раз такая могила. Над ней сосредоточенно хлопотал какой-то тип, выстраивая пентаграмму для вызова духа.

На миг показалось, что время пошло вспять. Вспомнилось прошлое лето и «молитвенные развлечения» на кладбище, которые устраивались «жрецом Дейяниса Светоносного» Гебрианом Чернореченским для скучающих представителей местной «золотой молодежи». Ему ведь надо было как-то войти в доверие к виконту Ладиану, вот он и устраивал для них игрища. Тем более опытным глазом было заметно, что труженик лопаты и кинжала уже допустил как минимум две ошибки, но не собирался останавливаться на достигнутом.

Продолжая готовить обряд воскрешения духа, он увлеченно бормотал себе под нос:

– Вот так… сейчас-сейчас… Я это сумею! У меня получится… Погоди-погоди, уж я-то тебя… – И так ушел с головой в работу, что появление нового лица осталось незамеченным.

Чем оное лицо не замедлило воспользоваться, шагнув из-за дерева.

– Стой! Сдавайся! Руки вверх!

Результат превзошел ожидания. Незнакомец испустил такой вопль, что должен был перебудить всех монахов-«смертников» и население двух-трех ближайших улиц. Он подпрыгнул на месте, нелепо взмахнув руками, отчего ритуальный кинжал вырвался из пальцев и взвился в воздух. Вскрикнув еще раз, владелец кинулся ловить падающее имущество, попутно зацепил что-то ногой, во что-то вляпался, загасив две из пяти свечей, и совершил еще несколько прыжков и кульбитов прежде, чем твердо встал на ноги, наставив на меня кинжал.

– Предъявите документы!

– А? Что? Я ничего не делал! – на повышенных тонах откликнулся он.

Не люблю людей, которые чуть что сразу начинают орать. Но в этом голосе явственно слышалась паника, чем ужасно хотелось воспользоваться.

– «Ничего не делал», говоришь? А это что? – подкинул я носком сапога опрокинувшуюся сумку, из которой лезло ее содержимое: несколько пергаментов, какие-то мешочки, пара собачьих черепов, свечи…

– Имею право! – вскрикнул незнакомец. – Это моя могила! Что хочу, то и делаю! Иди ищи себе другую!

Я хохотнул:

– А если мне вот эта нравится?

– Уйди! – Левой рукой он сотворил охранный знак и сопроводил его таким мощным зарядом магии, что, будь я покойником, от меня осталась бы лишь горстка пепла. А так – как будто пыльным мешком в грудь ударили.

– Так ты… *живой*? – Он уже откровенно взвизгнул.

– Да. И ты что-то на мертвого не сильно смахиваешь! Говори, чего возле чужой могилы забыл?

– Моя это могила…

– Место себе, значит, застолбил? Какие сознательные жертвы пошли! Просто новое слово в новейшей теории жертвоприношений!

– Слушай…те, – голос некроманта – не распознать в нем коллегу я не мог, особенно после общения с Гебрианом Чернореченским! – снова задрожал, – идите отсюда! Я ничего не делал! Я имею право тут находиться! Это – моя могила… То есть могила моего дедушки…

– Да? – Я сделал шаг вперед, наклоняясь к покосившемуся и густо поросшему мхом и лишайниками старому надгробию. Луна зашла за облако, половина источников света была благополучно погашена, и прочесть несколько слов удалось с трудом. – Что-то не верится!

– У меня документы есть! Что я, не могу по родному дедуле соскучиться? В гости пришел…

– Ночью? На могилку?

– Ага. – «Внучок» весьма натурально всхлипнул. – Он, можно сказать, всю жизнь мечтал, чтоб я выучился, человеком стал… Ждал-ждал и не дождался… Бедный дедуля… Вот я и решил в гости заглянуть… пообщаться по-родственному…

– А это что? – Я указал на мешок. – Гостинцы? Пирожок и горшочек масла?

– А если и гостинцы, что с того? Для любимого дедушки ничего не жалко! Вы считаете, что…

В это время предательница-луна выглянула на небо снова, осветила мое лицо, и мы с незнакомцем сразу сообразили, что являемся ровесниками. Более того, его лицо оказалось мне знакомо! Нет, на одном курсе мы не учились, но в коридорах Колледжа, общежитии и столовой пересекаться доводилось. Как, бишь, его звали? Парень мигом успокоился и перестал трястись.

– Так, а ты чего тут забыл? – напрягся он. – Иди своей дорогой, это – моя территория!

Он был в своем праве, и я миролюбиво выставил ладошки:

– Все-все, ухожу-ухожу! И не надо кипятиться. Хочу только поздороваться с твоим дедушкой – как-никак основатель династии, надо думать? Приятно, что внук пошел по…

– Сам пошел! – опять занервничал парень, но я уже наклонился к надгробию и постучал по камню согнутым пальцем.

– Уважаемый… э-э… можно вас на минутку?

Пентаграмму мой знакомый незнакомец уже начертал, большую часть приготовлений совершил, оставалось лишь скороговоркой протарабанить нужное заклинание и принести жертву. Правда, в данном случае обошлось без нее – призрак и сам возник в воздухе, стоило произнести последнее слово.

– А ну кто это тут шастает?

– Ого-го! – присвистнул я, отступая на пару шагов и окидывая белесую фигуру взглядом сверху донизу. – А ничего у тебя дедушка…

– «Дедушка»? – взвизгнул призрак. – Глаза протри, щенок! С утра небось зенки залил да с тех пор и не просыхал! Откуда только такие берутся! Тьфу, глаза б мои на вас не глядели!

Уперев кулаки в бока, на нас грозно таращилась дородная тетка лет сорока. Судя по призрачным формам, могилу ей копали квадратную.

– Ну чего приперлись? Делать вам, что ли, больше нечего? – наплывала она на нас.

– Вот это дедуля… Слушай, – я пихнул локтем остолбеневшего «вызывальщика», – может, ты перепутал и это – твоя бабушка?

Призрак разразился отчаянным визгливым воплем.

– Нет, вы только посмотрите на них! Придурки великовозрастные! – заорала тетка пронзительным голосом профессиональной скандалистки. – «Бабушка»! Да как у тебя язык

твой поганый узлом не завязался? Как глаза твои бесстыжие еще смотрят! Люди добрые! Да что же это творится? И здесь покоя нет!

– Это не я, это он, – сдал я с потрохами коллегу.

– А мне все едино! Бабушка! Уф… Да чтоб у тебя глаза повылезли, чтоб тебя парша замучила, чтоб отец-мать от тебя отреклись, чтоб вовек доли не видать!.. Охальник! Изверг! Маньяк! Караул! Убива-а-ают!

– Успокойтесь, – попытался влезть в монолог благодушно настроенный я. – Может быть, вы просто не дожили до его появления на свет? Ваша дочка или сынок уже после вашей кончины обзавелись семьей и…

– Да что ты такое говоришь? Не было у меня детей! И мужа тоже не было!

– А почему?

– Ишь ты, какой любопытный! – фыркнула тетка. – Потому что кругом одни козлы! Что на том свете, что на этом!

А вернее всего, просто такой храбрец, который рискнет взять в жены эти десять пудов, в природе не существовал.

– Ну шантрапа, – тетка уперла кулаки в бока, став еще толще, хотя, казалось, сие невозможно, – и долго мне тут торчать?

– Уже нет. – Я взмахнул рукой, порезав ладонь. – Властью, данной мне, приказываю: вернись из мира сего в пределы свои. Да смилуются над тобой боги!

– Давно бы так, – фыркнул призрак, не спеша растворяясь в воздухе, – а то как издеваться над беззащитной одинокой женщиной, так они все храбрецы, а как…

Последние слова заглушило тихое шипение сквозь зубы, когда я схватил своего горе-коллегу за ухо:

– Дедушка, говоришь? Сознавайся, что делал?

В лунном свете мелькнул кинжал, приставленный к носу парня, и тот воскликнул:

– Тренировался!

– Чего?

– Тренировался я! Призраков вызывать!

– Тебе что, делать нечего?

– Нечего, – согласился он. – Мэтр Твист сам все делает. Я только помогаю – ну там, книгу подать…

– Свечку подержать…

– Ага! А мне страсть как настоящей работы хочется!

«Врет и не краснеет!» – определил я.

Парень просто сообразил, что перед ним ровесник, которого можно не бояться. Но я-то на своем горьком опыте знал, что бывает, когда хочется «чего-нибудь эдакого». Одна прошлогодняя авантюра Гебриана Чернореченского – ох, когда же я его забуду! – чего стоила.

Посему, ловко цапнув коллегу за воротник, потащил обратно, к кельям монахов-«смертников». Тот пробовал упираться, но без толку.

– А ну сознавайся, где мэтр Твист обитает?

– Не скажу, – решил поиграть в героя мой коллега.

– И не надо.

Приписанный к кладбищу некромант должен жить при храме, среди других монахов, разве что не подчиняться их строгому уставу и распорядку дня. И его жилье, разумеется, сильно отличается от нарочито скромных келий «смертников».

Так и есть! Каменное сооружение, больше напоминающее осадную башню, которую почему-то решили поставить именно здесь, возвышалось над низенькими кельями. Выложенная камнем дорожка, небольшая дверка в нише, маленькие, похожие на бойницы, окошки, многочисленные кусты терновника и шиповника вокруг. Из всех виденных мною

жилищ некромантов это больше всех соответствовало идеальному образу, сложившемуся у обывателей.

Дом казался нежилым, но стоило подойти к двери – вернее, подтащить к ней упирающегося парня, – как она распахнулась с тихим скрипом. Изнутри пахнуло затхлым воздухом давно не проветриваемого помещения. А на пороге возник сам мэтр Твист. Он был в заляпанном реактивами балахоне, в одной руке держал свечу, в другой – короткий «городской» меч.

– Что здесь происходит? – прозвучал ледяной голос.

– А то! – Я пихнул парня вперед. – Получше присматривайте за своим помощником, мэтр Дубин Твист! Этот человек только что был пойман мною на кладбище, когда пытался провести обряд вызова духов и…

– Вы кто такой?

– Груви. Згаш Груви, к вашим услугам.

– Откуда вы взялись, Згаш Груви? Вы сами кто?

– Ваш коллега, в прошлом году закончил Колледж Некромагии. – Я продемонстрировал знак гильдии.

– Как вы оказались здесь?

– Я… шел к вам для того, чтобы…

– Как вы оказались в Добрине?

Да что у него за манера постоянно перебивать собеседника, не дослушав! И хоть бы предложил переступить порог.

– Я приехал. По приглашению…

– Я никого не звал. Мы тут и сами прекрасно справляемся, нам лишние помощники не нужны.

– Я приехал не к вам, а к мэтру Белле…

– Ах вот оно что! – В глазах коллеги зажегся странный огонек. Он словно радовался и возмущался одновременно. – Ну так можете отправляться обратно и передать ему большой привет! А тут вам делать нечего!

– Да я, собственно, и не…

– Вот и уходите! – повысил голос мэтр Дубин.

– С превеликим удовольствием, – настроение внезапно испортилось, – но сначала считаю своим долгом напомнить, что подобное обращение с потусторонними силами не доведет до добра!

– Учить вздумал? Сам-то давно из Колледжа?

– Десять месяцев и…

– И принимаешься учить старших? Хороша нынешняя молодежь, нечего сказать!

– Но разве вы не понимаете, что происходит?

– А ничего страшного! – в очередной раз перебил меня коллега. – Пусть мальчик потренируется…

– «Потренируется»? – Мне пришлось призвать на помощь все свое самообладание, чтобы не сорваться. – Это вы называете тренировкой, коллега? А что, если он по ошибке поднимет какое-нибудь умертвие? Или…

– Сам поднимет – сам и упокоит, – отмахнулся некромант. – Надо же на чем-то руку набивать! А местные покойники – народ тихий. Не обижаются…

Ну да, понимают, что связываться с некромантом-недоучкой себе дороже. Хотя какой он «недоучка»? Диплом в наличии, энтузиазма хоть отбавляй… И ведь по большому счету предъявить ему нечего. Он на подведомственной территории, нарушения закона нет, я в городе чужой.

– Город у нас обыкновенный, люди тоже… Делать особо нечего…

– Как это «нечего»? А за что же тогда мэтр Белла получает по двенадцати злотых в месяц? – Вот это решительно отказывалось укладываться в голове.

– А за то, – сарказма в голосе коллеги резко прибавилось, – что наш с вами коллега работает только по спецзаказам! Он вам что, ничего не объяснял?

– А… ну конечно, объяснял, – отважно соврал я. – Просто из головы вылетело.

Спрашивать, какие это «спецзаказы», было не просто глупо, но и опасно. В глазах собеседника явственно сквозила зависть. Еще бы! Он-то получал наверняка вдвое меньше – городской магистрат явно считал, что три некроманта на город в мирное время и так ложатся дополнительным бременем. Вот интересно, эти двенадцать злотых и есть вся зарплата мэтра Беллы или он не все мне рассказал?

– У вас все? – На меня смотрели две пары глаз. Одна – с неудовольствием, другая – с плохо скрываемым злорадством.

– Ну в общем-то я хотел… пообщаться и…

– И вы пообщались. На первый раз достаточно. Спокойной ночи!

Дверь захлопнулась перед моим носом, и послышался тихий щелчок – активизировались охранные заклинания.

Глава 4

В общем, возвращение с кладбища получилось не слишком радостным. Уже стемнело, на ратуше колокол прозвонил начало ночи, повсюду потушили огни, и улицы опустели. Добрин остался во власти городской стражи, воров, грабителей и прочих отбросов общества. Лично для меня, как для некроманта, ни те, ни другие, ни третьи опасности не представляли: боятся представителей моей профессии, что ни говори. Поэтому я пустил кобылку шагом, откинулся в седле и погрузился в размышления.

Поразмыслить было над чем. Мне весьма недвусмысленно дали понять, что присутствие постороннего в неурочный час чревато неприятностями. Драться, конечно, никто не станет, но обеспечить неприятности – пожалуйста. Просто от зависти. Просто чтобы сорвать зло на более молодом и менее опытном конкуренте. Нет, конечно, за меня может вступиться Смерть, но для этого нужно, чтобы опасность грозила нешуточная.

М-да, приходилось признать, что попытка навести мосты провалилась с треском. Если что случится, меня в обязательном порядке призовут на помощь, но вот сами кидаться на выручку не станут. Паршивое чувство, что меня бросили на произвол судьбы, родилось в душе и не желало ее покидать.

Впрочем, отчаиваться было рано. Как говорил старый некромант, у которого мне случилось проходить последнюю практику: «Если считаешь, что тебе плохо, внимательно оглядись по сторонам. Может статься, что есть те, кому сейчас намного тяжелее! Сравни их участь со своей и пойми, что тебе крупно повезло!»

Эти слова и хриплый усталый голос как наяву зазвучали в голове, когда впереди в ночной темноте нарисовалась хрупкая девичья фигурка.

Девушка на улице ночного города – это проблема и приключение одновременно. Сигнал к тушению огней уже был, и всякий, кто решил выйти из дома до утра без специального разрешения – читай, без взятки стражникам! – в лучшем случае будет ограблен и переночует в крепости. А о худшем случае для этой малышки не хотелось и думать.

Девушка бежала так, словно за нею гнались все бесы Пекла вкупе с армией упырей. Впрочем, солдаты городской стражи в данной ситуации вполне могли их заменить. И еще неизвестно, кто страшнее – во всяком случае, девушка, не раздумывая, кинулась прямо под копыта моей лошади.

– Стой! Куда? Назад!

Еле успев осадить кобылку, спрыгнул с седла и поймал беглянку за локоть.

– Ага! – Солдаты рассредоточились, перегораживая дорогу. – Стоять! Кто? Куда? Откуда? Зачем?

– Некромант. Домой. С кладбища. Отдыхать. – На короткие вопросы были даны короткие ответы. В заключение на свет из-под плаща появился знак гильдии, тускло полыхнувший при свете факелов, и городская стража заметно приуныла. Говорю же – не любят и побаиваются людей этой профессии. – Еще вопросы есть?

Что-то было, наверное, такое в моем лице, что заставило десятника помотать головой:

– Проезжайте… А вот ты, малявка, задержись!

Это относилось к девушке, которую я все еще держал за руку. Оглянувшись, заметил, что она действительно малявка – ростом едва мне по грудь, тощенькая, бледная. Да она Динке ровесница!

– А в чем ее обвиняют? – На вид девчушка выглядела довольно чистенько для малолетней проститутки или воровки.

– А чего она по ночам шляется где не положено? Небось чего дурное задумала?

– С чего вы взяли?

– А с того, что не положено в такое время по улицам шастать без разрешения!

– У меня его тоже нет.

– Так вы того… при исполнении небось, как и мы! А вот девка чего тут делает…

– Мне к лекарю надо, – пискнул объект нашего спора.

Солдаты загоготали.

– Врешь ведь! Лекарь не в этой стороне живет! – заявил десятник и протянул руку. – Пошли, малявка! Заночуешь в крепости, а там…

– Мне домой надо! – Та шарахнулась в сторону. – У меня мама больна!

– Теперь и маму приплела… А ну пошли, кому говорят!

– Нет. – Я стиснул тонкие пальчики. – Она пойдет со мной!

– Чего? – Стражи порядка, кажется, не понимали простых слов. Или не хотели понять, с чего это вдруг им придется отпускать «нарушительницу».

– Того. – Свободной рукой я коснулся пояса с оружием. – Мы отправляемся своей дорогой. И только попробуйте нас остановить! Тот, кто сделает хотя бы шаг, в ту же минуту упадет мертвым!

Обнажив кинжал, быстро по очереди ткнул в сторону каждого стражника. Лезвие загорелось мягким розовым светом.

– Теперь вы под заклятием. И его ничто не остановит! Даже моя смерть! Этот клинок найдет и пробьет ваши сердца!

С этими словами я спокойно сунул его в ножны, одной рукой взял повод кобылки, другой крепче стиснул детскую ладошку и продолжил путь. Со стороны казалось, что походка уверенная и четкая, дыхание ровное, лицо безмятежно-сосредоточенное. Но на самом деле ничего этого я не ощущал – ведь только что городской страже был продемонстрирован обычный фокус. Любят представители нашей профессии пустить доверчивым людям пыль в глаза. Кстати, это одна из причин невеликой любви черни к некромантам. Кому охота, чтобы тебя так пугали и обманывали? Кстати, если кто-то объяснит стражникам, что я всего лишь снял с них лишнюю агрессию и перерезал кое у кого запутанные нити аур, в качестве благодарности меня бы точно прикончили. Просто с досады.

От размышлений отвлекло подергивание левой руки – девочка уже некоторое время сосредоточенно пыталась вынуть свои пальчики из моих.

– Куда спешим?

– А я… а вы… меня не…

– Нет. Мы идем к тебе домой. Проводи меня – я дороги не знаю!

– Ой. – Даже в темноте было заметно, как побледнела девочка. – Может, не надо?

Кажется, она уже начала жалеть, что не осталась со стражниками.

– Надо, милая, если ты хочешь спасти свою маму. Где вы живете?

Девочка заколебалась. Даже бросила взгляд через плечо на удалявшихся стражников – наверное, кляла себя последними словами за то, что согласилась, – но потом любопытство и страх за мать пересилили остальное, и она робко осведомилась:

– А вы правда поможете?

– Постараюсь.

– Но вы же этот… ну… некромансер!

– Я еще и немножко врач! – подмигнул я.

В самом деле, целительство издавна идет рука об руку с некромантией – одно частенько подменяет другое или исправляет чужие ошибки. Мы изучали целительную магию целых два года. Некоторые из наших выпускников, кому повезло не так сильно, шли работать именно врачами.

– Тогда пошли, – вздохнул ребенок. – Это недалеко.

Идти впрямь оказалось всего ничего. Мы дошли до конца улицы, свернули за угол и остановились возле третьего по счету дома.

Довольно большой, за высоким забором, он явно знавал и лучшие времена. Но сейчас на всем лежала печать если не запустения, то небрежения и отсутствия мужской руки.

– Тятя пять годов назад помер, – пояснила понятливая девочка. – Мы с мамой с тех пор одни.

– И ты не забоялась ее одну оставить? – Заведя кобылку в ворота, я прикрутил повод к крыльцу.

– А она не одна. Там братики и сестренка остались.

Как выяснилось по пути, причина болезни матери оказалась банальной – долгая и холодная зима подточила запасы многих людей. До голода, конечно, было далеко, но цены на дрова в самые сильные морозы подскочили настолько, что приходилось тратить на них иногда последние деньги. Мать, пытаясь заработать достаточно, хваталась за любую работу – и шила, и стирала белье, и соседям помогала. И вымоталась настолько, что пустячная простуда свалила ее всерьез. Тем более что весенняя погода всегда коварна.

Дом был устроен по-городскому – сразу за сенями открывалась большая передняя, она же столовая, где вечерами собиралась вся семья. Три боковые двери вели – две слева в спальни, одна справа – на кухню.

Туда девочка меня и провела, дернув за руку.

Очаг – священное место в любом доме. Под печью живет домовой. В печи пекут хлеб. Угли из печи могут служить оберегами от нежити и нечисти. И не случайно, когда в доме стряслась беда, все обитатели этого дома собрались здесь.

В печи тлели угли, на столе чадил огарок свечи. Он должен был вот-вот погаснуть, и я поспешил достать из сумки на боку хорошую толстую свечу, запалив фитилек. В кухне сразу стало светлее, можно было оглядеться.

На всем лежала печать бедности: старая мебель, давно не беленная печь, простая посуда, да и той было всего ничего. Видимо, тут уже давно забыли, что такое достаток.

Больная обнаружилась на лежанке возле печи. Цветастая занавесь была отдернута, так что рассмотреть изможденную худую женщину не составило труда.

Были тут и дети – три мальчика разного возраста и девочка лет десяти настороженно зыркали в сторону чужого человека. Младшему парень ку было лет шесть-семь, остальные – погодки. Я перевел взгляд на свою провожатую и с удивлением обнаружил, что она немного старше, чем выглядит. Ей было лет четырнадцать – под платьем проступали округлости груди.

– Кто это? – слабо забеспокоилась женщина.

– Это… он обещал помочь, мамо, – сказала девочка-девушка.

– Я не член гильдии целителей, но кое-какой дар у меня есть. – Вспомнилась прошлая осень и старая знахарка бабка Ортана, чьи целительные силы мне пришлось забрать. Старуха пала жертвой наветов толпы – в ту осень по городу часто ночами разгуливали созданные Гебрианом Чернореченским упыри. Ему надо же было как-то создавать видимость того, что мэтр Куббик не справляется с ситуацией и должен быть смещен с занимаемой должности. Горожане забеспокоились и, поскольку власти не торопились что-то предпринимать, сами решили навести порядок. Их первой жертвой пала ни в чем не виноватая старая знахарка – а заодно и я, отважно бросившийся на выручку бедной женщине. Спас меня от смерти Анджелин Мас, отняв у разъяренной толпы. Но знахарка Ортана все-таки умерла – не выдержало старое сердце. Однако перед смертью она успела передать мне свой дар целительницы. Так что я реально могу работать врачом. Если захочу.

Скинув плащ, подошел к постели больной. Женщина смотрела на меня снизу вверх лихорадочно блестящими глазами. Взяв одну ее руку за запястье, другой провел над голо-

вой и грудью болящей, оценивая состояние ауры. Хм, плохо! Все плохо! Истрепанная до невозможности, она почти не подлежала восстановлению. Все лекарства лишь должны были отсрочить печальный конец, подарив женщине не несколько лет, а всего лишь несколько седмиц или месяцев жизни. В лучшем случае моя пациентка дотянет до осени. В худшем – не увидит и лета, до которого оставалось каких-то полтора месяца. Но делать что-то было надо.

– Скажите правду, – послышался тихий голос. – Я умру?

«И очень скоро!»

Я аж подпрыгнул от неожиданности. Знакомая фигура во вдовьем одеянии и с непокрытой головой возникла за плечом. Резкий порыв холодного ветра загасил свечу на столе. Громко хлопнул ставень. Хором вскрикнули дети, напуганные внезапно наступившей темнотой.

«Ты что тут делаешь?»

«Привет, милый! – Смерть улыбнулась вишневыми устами. – *Давно не виделись! Так-то ты встречаешь любимую жену?»*

«Прости. Ты так неожиданно возникла…»

«Ну, не так уж и неожиданно». – Моя благоверная кивком головы указала на лежавшую на постели женщину. Та смотрела на Смерть с таким выражением лица, что любому было ясно – она все видела и слышала. Это было плохо. Очень плохо.

«Ты откуда тут взялась?»

– Она пришла вместе с вами, господарь, – прошептала больная. – Я не сразу ее увидела – она стояла позади…

«И здорово меня напугала!»

«Тебя? – Красиво очерченная бровь картинно взлетела вверх. – *Чтобы некромант – и чего-то испугался?»*

«Каждый человек чего-то боится! Без известной доли страха жить нельзя. Но почему я тебя не почувствовал?»

«Хотела сделать тебе сюрприз. Ты не рад?»

«Очень рад, милая. Но сейчас я чуть-чуть занят…»

«Это ненадолго…»

Больная женщина, прислушивающаяся к нашему разговору, внезапно отвернулась. Ее взгляд метнулся куда-то вбок. Проследив, увидел, что она во все глаза смотрит на детей. Все сидели на одной лавке у стола, чем-то напоминая воробушков. Младший мальчик успел уснуть, положив голову на колени одной из сестер. Приведшая меня сюда девушка материнским жестом обняла двух других братьев. У детей слипались глаза, но любопытство и страх были сильнее усталости.

– Дара, – шепотом позвала умирающая, – береги братьев. Живите дружно и…

– Мамо? – встрепенулась та. – Ты что?

– Твоя мама хотела сказать, чтобы ты увела младших братьев и сестренку спать, – перебил я начальственным тоном. – Уже заполночь. Детям давно пора в постель! Живо-живо!

– Но…

– Ты сама их уведешь или мне выставить пинками? Я врач и терпеть не могу, когда за моей работой наблюдают посторонние!

Девушка подчинилась с явной неохотой. Младшего мальчика унесли на руках.

«Ты что собираешься сделать?» – насторожилась Смерть, когда за детьми закрылась дверь.

«Делать буду не я, а ты». – Мне удалось улыбнуться. Одной рукой я по-прежнему удерживал запястье больной, а другой пытался как-то скрепить распутавшиеся нити ее ауры. Это не так уж сложно, как кажется, – просто завязать узелки. Аура такая штука – если ничего не случится, узлы на ее нитях рано или поздно зарастают сами собой. Другой вопрос, что

тут пришлось связывать слишком много «обрывков». Сплошь узелки получаются, тут часа три потрудиться придется.

Но это в теории. А на практике рядом стояла моя благоверная. И только что завязанные узлы распускались сами собой от одного ее присутствия.

«Отойди».

«Я?»

«Ты. Хотя бы на три шага».

«Мешаю?»

«Мешаешь».

– Господарь. – Голос больной был совсем тихим. У нее не осталось сил для того, чтобы нормально разговаривать. – Господарь целитель… Вы что делаете?

– Пытаюсь отогнать смерть.

– Но разве такое возможно? Вы же… целитель и…

– Я не целитель. – Один узелок все-таки остался целым, что не могло не радовать. – Я некромант.

– Ох… – Смертельная бледность залила лицо женщины. Я еле успел сжать пальцами две нити ауры, чтобы они не выскользнули и не испортили все дело.

«Видишь, что ты наделал? – Прохладная рука Смерти легла на плечо. – *Ты ее напугал. Отойди, я быстро…»*

«Ты ее заберешь…»

«Для этого и пришла!»

«А дети? С кем останутся они?»

Лицо больной исказила мука.

«Отойди», – повторил я.

«С места не двинусь!» – уперлась моя жена.

«Точно?»

«Клянусь…»

«Ну ладно…»

Выход был только один. Само близкое присутствие Смерти мешало пользоваться целительной магией. Хотя делать-то ничего не надо было – заштопать самые большие дыры в ауре и как следует «прогреть» больную, выжигая заразу изнутри. После чего дать немного жизненных сил – на первое время. С этим на счет «раз» справится любой третьекурсник-целитель. Так что убрать подальше Смерть – и дело с концом.

Действовать надо было быстро. Подхватив женщину, я рывком перетащил ее на ту лавку, где совсем недавно сидели ее дети.

«А ты стой где стоишь! Ты поклялась!»

«Да ты… ты… знаешь, что ты натворил?» – От возмущения Смерть не могла нормально говорить.

В комнате ощутимо похолодало. Лицо моей жены исказилось – черты его «потекли», и сквозь облик молодой женщины проступил жуткий оскал скелета – меня пытались напугать. Но я уже отвернулся, кладя одну руку болящей на лоб, а другую – на грудь и делясь жизненной силой. Бабка Ортана, чья сила мне передалась, часто лечила именно наложением рук, так что оказалось достаточно нескольких секунд.

«Ну, знаешь ли…»

Не прибавив более ни слова, Смерть исчезла, оставив после себя легкий аромат гниения.

А эта женщина сразу стала легче дышать. У нее порозовели щеки, она как-то вся потеплела и даже похорошела. Проведя руками над ее головой и грудью, я убрал самые тяжкие

симптомы простуды. Полностью исцелить, увы, не получилось – все-таки целительство не моя профессия! – но, во всяком случае, у больной появился неплохой шанс выкарабкаться.

– Э-э… – Запоздало пришла мысль, что имя девушки вылетело из памяти. – Кто-нибудь?

– Г-господарь? – В щель просунулось бледное личико.

– Уже можно заходить.

– Как мама? – Взгляд девушки метнулся к лежанке, и она побледнела, не обнаружив тела там.

– Все в порядке. Ваша мама спит. – Я кивнул на лавку. – Постарайтесь ее не тревожить до утра. Она теперь поправится.

– Ой, спасибо вам! – Девушка сделала попытку поцеловать мне руки, но я шарахнулся прочь.

– Нет! Сначала вымыть… Я пойду. А ты укрой мать чем-нибудь теплым.

Подобрав плащ, вышел вон, отвязал кобылку и только направился к воротам, как меня окликнули:

– Господарь?

Подбежавшая девушка робко протянула ладошку – на ней в свете луны блеснуло несколько грошей.

– Что это?

– Это вам. – Она засмущалась. – Вы маме помогли…

– Ничего не надо. – Я отступил. – Ты лучше завтра купи как можно больше хлеба и молока. Хватит этого?

Она несколько раз кивнула, и я, попрощавшись, направился своей дорогой.

Настроение испортилось и было паршивым – хуже некуда. И не только потому, что один глупый самоуверенный мальчишка ухитрился поругаться с самой Смертью, к тому же своей супругой. Просто я находился на чужой территории. Мое пребывание в Добрине было временным – всего несколько седмиц предстояло замещать мэтра Йожа Беллу, после чего придется возвращаться домой. Следовало вести себя как можно аккуратнее, чтобы после его возвращения не возникло лишних конфликтов. А я успел за одну ночь не только поспорить с мэтром Дубином Твистом и его помощником, но и нарушить границы полномочий. У меня не было диплома целителя, не было знака гильдии – я не только вообще не имел права заниматься данным ремеслом, но тем более – на чужой территории. Целители недолюбливают некромантов, несмотря на то что часто те и другие пользуются одними и теми же формулами и препаратами. Своим вмешательством я подлил масла в огонь старого конфликта.

«Авось никто ничего не узнает!» – мелькнула спасительная мыслишка. Девушка же не успела добраться до целителя. Значит, он не догадывается о том, что ему сегодня перешли дорогу и лишили нескольких грошей заработка. Если никто не проболтается, проблема умрет, не родившись.

Весной погода совершенно непредсказуема. Вот только что лишь редкие облачка плыли на небе, иногда ненадолго наползая на луну, – и вдруг от горизонта до горизонта нависли дождевые тучи. Подул резкий ветер, а в следующий миг с небес сплошным потоком хлынул холодный весенний дождь.

Селяне радуются каждой капле влаги, упавшей из облаков в это время года, но горожане – другое дело. Особенно такие, кого непогода застала на улице. Откровенно высказав небесам все, что думаю по поводу такой погоды – дождь обиделся и полил еще сильнее, – вымокший до нитки я кое-как добрался до своего дома.

Конюх мирно дрых, убаюканный шумом ливня, так что обтирать кобылку жгутом сухого сена пришлось самому. Меня бы кто обтер! Мокрая одежда неприятно липла к телу,

уже начался озноб. Эдак еще простужусь! А дар целителя имеет один побочный эффект – целитель никогда не может вылечить себя самого.

…Тут надо два слова сказать о целителях и врачах. Врачом может стать любой, если получит соответствующее образование. А вот целитель – это всегда волшебник, носитель дара исцеления. Хорошо, когда то и другое у одного человека, но в некоторых случаях бывает и наоборот. Один из этих случаев как раз я.

К тому моменту, когда, закончив обихаживать кобылку, добрался до кресла у камина – пустого и холодного к тому же! – меня всего трясло. Хотелось пойти и разбудить госпожу Труду, но ковылять на третий этаж, чтобы растолкать старуху, представлялось делом нелегким. Эх, будь это дом мэтра Куббика, можно было бы вылечиться народными средствами – выпивкой, а так пришлось просто лечь в постель, закутавшись в одеяло до носа и постараться справиться с ознобом.

Тихо мяукнув, откуда-то возник Зверь. В темноте черный кот казался сгустком мрака: ни дать ни взять вырвавшийся из Пекла бес. Запрыгнув на одеяло, он потоптался на нем, урча так, что трясся даже кончик хвоста, а потом улегся мне на грудь, для верности обхватив лапами шею и уткнув шумно сопящий нос в ухо.

С этой пушистой грелкой под мерный шум дождя и кошачье урчание я и уснул.

Кототерапия принесла неожиданные плоды. Проснувшись поздним утром, я обнаружил, что горло не болит, нос не заложен, нет ни кашля, ни жара, но и голоса тоже нет. Как ни старался, изо рта вылетал только придушенный сип и хрип. Удавленники и то громче звуки издают, корчась в петле! Черный кот, который, оказывается, так и спал на хозяйской постели, одарил пациента гордым взглядом и удалился.

Когда я выполз из постели, меня ожидал еще один сюрприз – старая кухарка, видимо, решила, что у нее сегодня выходной, и не явилась на кухню вообще. Дом был пуст, если не считать неразговорчивого сына госпожи Труды, который издалека приветственно замахнулся на меня лопатой и вернулся к перекапыванию огорода на задах.

Пришлось самостоятельно разжигать огонь в камине и шарить по полкам и ларям в надежде приготовить поесть. В бытность студентом мне не раз приходилось кашеварить. Правда, в последнее время я разбаловался на разносолах госпожи Гражины и подрастерял навыки приготовления еды из подножного корма.

Обыск дал неожиданные результаты. Лари были забиты продуктами под завязку – колбасы, хлеб, крупа, приправы, масло, мед… Нашлась даже бутыль вина. Соорудив несколько бутербродов, я откупорил бутылку и устроился у камина. Выпивка и тепло расслабили быстро. Остатки болезни еще бродили в теле, и я сам не заметил, как уснул.

Пробудился как от толчка. Собственно, толчок, как таковой, был: черный кот откуда ни возьмись запрыгнул мне на колени. А весу в Звере было немало.

– Мрым, – сообщил он мне, вставая на задние лапы и тычась носом в лицо.

– Отвали, – просипел я, с некоторой радостью отметив, что голос медленно, но верно возвращается. Если пощадить горло еще хотя бы пару дней, скоро от недавней болезни не останется и следа.

– Мрым! – громче повторил кот, спрыгивая на пол.

Проспал я всего ничего – огонь в камине потух, но угли еще не подернулись пеплом. Пока я разжигал его снова, подкладывая уголь и раздумывая, приготовить обед самостоятельно или попытаться найти сперва госпожу Труду, Зверь вертелся рядом.

Приняв решение, отправился на кухню, где повторил набег, разжившись второй бутылкой вина и остатками окорока. Но напиваться в одиночестве не в моих правилах, так что пришлось немного похозяйничать еще. Сварив грог, вернулся к камину, разжег огонь и с удовольствием употребил нарезанный ломтями окорок и грог, после чего заснул опять.

Сны – штука сложная. То снится какая-то ерунда с птичками и бабочками, то кошмары. Я опять был в стенах родного Колледжа, но – странное дело! – не узнавал здания совершенно. Шагал по коридорам, поднимался по лестницам, заглядывал во все двери – и никак не мог понять, что не так. Лишь потом, когда ноги сами вынесли в большой зал, пришло озарение – Колледж был заброшен. Витражи на окнах выцвели, некоторые стекла разбились. На уцелевшей мебели лежал слой пыли, по углам висели лохмотья паутины, пол и ступени жалобно скрипели, грозя развалиться под ногой. Туда-сюда шныряли осмелевшие без людей крысы. И голоса. Голоса призраков, которые рано или поздно появляются в таких заброшенных домах. Тем более если в здании долгое время занимались магией…

Один из этих призраков белесым облачком вдруг проявился в противоположном конце коридора и стремительно полетел навстречу, постепенно приобретая знакомые черты. Настолько знакомые, что в груди невольно все заледенело.

– А ты что тут делаешь? – прошелестел призрак мэтра Куббика, нависая надо мной. – Тебе тут не место! Пошел вон!

Он размахнулся призрачной рукой – и совсем непризрачный удар вышиб меня изо сна.

Пробуждение оказалось не совсем приятным: оказалось, во сне я банально свалился со стула. Черный кот обнаружился рядом – в его горящих глазах отражалось не самое высокое мнение о людях вообще и одном представителе рода человеческого в частности. Видимо, мнение только что упало во всех смыслах этого слова.

– Вот бесы! Приснится же такая фигня! – проворчал я, с усилием садясь и потирая ушибленный бок. Горло не болело, признаки простуды исчезли совершенно, но голос все еще оставался слаб, как у умирающего.

На сей раз дрых я долго – день успел погаснуть, как и угли в камине. Хорошо, что у каждого некроманта до автоматизма доведено «включение» ночного зрения. В бытность студентами мы затвердили это заклинание на уровне безусловного рефлекса, и сейчас стоило чуть сосредоточиться – и готово! Все прекрасно видно, хоть и в серо-черных тонах.

Спать совершенно не хотелось, во-первых, потому, что ночь для настоящего некроманта самое рабочее время, а во-вторых, сколько же можно? Чтобы не терять времени попусту, решил немного прибраться, заново развести огонь и чего-нибудь почитать из обширной библиотеки мэтра Беллы. Сказано – сделано!

От общественно полезных работ отвлек Зверь. Черный кот с видом надзирателя и так слонялся за мной из угла в угол, а тут вдруг вздыбил шерсть, что-то мявкнул и запрыгнул на руки.

– Что такое?

Снаружи, у крыльца, послышался шум. Топот копыт? Шаги? Фырканье коня? В такое время? До полуночи еще около часа, но мало ли…

Требовательный стук в дверь.

– Отворите! – А голос определенно женский. Или это совсем мальчик, подросток не старше шестнадцати лет. – Отворите немедленно! Я же вижу, что вы дома!

А, ну да! В высоких окнах был заметен отблеск горящего камина. Притворяться и прятаться поздно. Жаль, что я не вооружен – и меч, и ритуальный нож остались в комнате наверху. Правда, есть еще кочерга – тоже грозное оружие в умелых руках…

Зверь черной тряпкой свалился с рук, умчавшись куда-то, а я подхватил кочергу и пошел открывать дверь. Упыри не разговаривают, для мавок[9] еще не сезон, маленький народец не топает и не колотит в двери кулаками и никогда не бывает столь прямолинеен. Обычно фэйри или сильфы начинают голосом плачущего ребенка уверять, что заблудились, устали,

[9] **Мавки** – разновидность русалок/водяниц. Утопленницы, которые поздней весной и ранним летом (до летнего солнцеворота) могут выходить из воды.

промокли, голодны и умоляют им помочь. Да и лезть предпочитают в окна, а не в парадные двери. Кстати, у каждого уважающего себя некроманта над дверью обязательно балка из остролиста[10], который отлично отпугивает подобную нежить.

Снаружи шумел ветер, накрапывал мелкий дождик – жалкая пародия на ливень, который шел вчера. Но поздний гость все равно ввалился со вздохом облегчения и отчаянно встряхнулся.

– Ну и ужасная погода, – сообщил он. – Боги на нас словно разгневались за что-то…

– Это весна, э-э…

Отступив на шаг, внимательно окинул взглядом незваного гостя. Мужская куртка, штаны, сапоги со шпорами, длинный плащ с надвинутым на лицо капюшоном, на боку висит меч. Но все это не могло обмануть никого, и догадка подтвердилась, когда пришелец открыл лицо. Женщина!

– Э-э… Чему обязан?

– Сначала предложите мне присесть!

– Прошу извинить! – Я развернул стул поближе к огню и, пока гостья усаживалась, украдкой потряс бутылку. Ни капли! А жаль – вино явно помогло бы ей расслабиться, ведь видно же, что гостья нервничает.

…А она красивая, бесы меня задери! Не совсем идеальной красоты, но легкая горбинка не портила ее нос, а некоторые недостатки формы подбородка и скул скрывал умело наложенный макияж. Небольшая неправильность черт даже более привлекает, чем совершенная красота. (Достаточно вспомнить, что незабвенная леди Гемма Байт обладала именно такой – идеальной – красотой и при этом была коварна, как змея.) И незнакомка на вид моя ровесница, то есть ей примерно двадцать три или двадцать четыре года.

– Что у вас случилось, леди? – усевшись напротив, со всей возможной вежливостью поинтересовался я.

– У нас случилась беда, мэтр Белла…

Я прикусил губу – гостья явно ошиблась, принимая меня за хозяина этого дома.

– И вы должны нам помочь!

– Сожалею, леди, но я не…

– Что? – Она прямо-таки взвилась, как норовистая лошадка. – Вы… мне отказываете?

– Нет, но, леди, я считаю своим долгом сообщить, что я не…

– Как вы смеете? – Карие глаза ее гневно сверкнули. – Я заплачу! Вы сомневаетесь?

– Отнюдь. Дело не в оплате. Просто я не…

– Вы не знаете, кто я такая?

– Разумеется, нет!

Она вдруг встала, горделиво расправив плечи и отбросив назад толстую косу.

– Перед вами герцогиня Руна Беркана, – произнесла молодая женщина.

Вот это да! Не нужно было быть семи пядей во лбу, чтобы не вспомнить одну из самых древних и родовитых фамилий. Когда-то давно кто-то из предков этой женщины даже сидел на троне… правда, недолго, регентом при малолетнем сыне рано умершего короля. Уселся он на него столь плотно, что потребовалось несколько лет и дворцовый переворот, чтобы юный принц стал королем. Но что нужно здесь герцогине, принимающей меня за моего коллегу?

– У меня к вам дело, – произнесла женщина, нервно стискивая руки в перчатках для соколиной охоты. – Мэтр Белла, вы должны нам помочь.

– Что? – Разубеждать красавицу не было ни сил, ни желания. В конце концов, мэтр Йож оставил меня именно что заменить его. Что сейчас и предлагается сделать.

[10] Остролистом здесь именуют ясень.

– Я собираюсь нанять вас, мэтр, для решения моих проблем, – сказала как отрезала посетительница. – Вы должны немедленно отправиться со мной.

– Куда?

– В наш родовой замок. Это важно и срочно!

Так, насколько помню географию, замок рода Беркана находился не так уж далеко – всего пара дней скачки на хорошей лошади до границ с соседним воеводством. В распутицу – обычное дело весной – дорога должна была занять немного больше времени. Что-то такое нам рассказывали про этот замок, отчего многие студенты мечтали попасть туда на практику. Но – увы! – практикантов туда если и допускали, то всего на несколько минут и под присмотром преподавателя. И эта практика больше напоминала ознакомительную экскурсию: сошли с коней, огляделись по сторонам, прошли туда-сюда, и пора уезжать.

– И учтите – я не потерплю отказа!

Да кто бы упирался? Вспомнить бы еще, чем так знаменит замок?

– Конечно-конечно, ваша светлость! Как только рассветет…

– Что? – опять взвилась молодая герцогиня. – Я два дня неслась как сумасшедшая по этим жутким дорогам, промокла, устала и проголодалась! Я спешила, как только могла, а вы, вместо того чтобы прийти на помощь знатной даме, ставите мне условия? Я не могу ждать! Мы отправляемся в путь немедленно!

– Ночью? Леди, при всем моем уважении ездить куда-то по ночам не самая удачная идея. Мы можем заблудиться, переломать лошадям ноги, попасть в неприятности… Говорю как некромант – ночью путешествовать опасно! Злые силы…

– Вы боитесь? – фыркнула моя собеседница с чувством полного превосходства. – Вы – мужчина и некромант? Я приказываю вам следовать за мной! Немедленно! – Она резко встала.

– Ни за что! – В доказательство уселся на стуле поудобнее и скрестил руки на груди.

– Вы – трус!

– А вы оскорбляете меня в моем доме! Подумайте о своем поведении, леди! Еще одно слово, и я отказываюсь вам помогать!

– Вы… вы, – женщина либо не услышала последних слов, либо не поверила, – да вы знаете, что я могу с вами сделать? Вы, наверное, забыли о своем долге перед его светлостью лорд-канцлером Лихошвой. Он рекомендовал вас, мэтр Белла, как человека, который может решить абсолютно все проблемы, и при этом будет держать язык за зубами. И стоит мне намекнуть на то, что в вас ошиблись… Знаете, что с вами сделают?

Знаю. Или думаю, что знаю. Меня – вернее, мэтра Йожа Беллу – кажется, собираются шантажировать. Знать бы еще, что такого натворил мой коллега, из-за чего сильные мира сего могут обратить на него пристальное внимание. Хотя что тут гадать? Коллега Дубин Твист сказал мне намного больше, чем хотел. «Спецзаказы»… И явное презрение в голосе, с каким было произнесено это слово… Видимо, на руках у мэтра Йожа Беллы достаточно много крови и грязи. Вот интересно, это просто очередной «спецзаказ» или нет? Что-то мне подсказывало, что не просто так мэтр решил именно сейчас уехать в отпуск и не сообщить мне адрес. Он спасал беременную жену от возможной расправы и не сказал мне ничего нарочно: если обман вскроется, никакие заплечных дел мастера и даже коллега-некромант не смогут выпытать у меня его местонахождение. Ибо я даже не знаю, в какую сторону он уехал. Мило, ничего не скажешь! Что же делать?

От напряженных размышлений отвлек мерный грохот и лязг, раздававшийся со стороны боковой лестницы. Мы с леди Руной вздрогнули одновременно, она так даже побледнела, и я мужественно шагнул вперед, готовый встретить опасность лицом к лицу…

И чуть не расхохотался от облегчения. Ибо источником шума оказался Зверь. Пятясь задом по лестнице, черный кот волок в зубах пояс, на котором крепились ножны с ритуальным ножом.

– Спасибо, мой хороший! – Я с облегчением нацепил пояс, проверив, насколько легко выходит нож из ножен. Лезвие оставалось тусклым – верный признак того, что враждебной магии и нежити поблизости нет.

– Что это? – А вот леди впечатлилась.

– Это, – воспользовавшись моментом, попытался подхватить Зверя на руки, но не тут-то было, – демон. Мой личный демон…

Вильнув хвостом, кот удрал куда-то в сторону кухни, отмечая свой путь грохотом и стуком роняемых и сшибаемых предметов.

– И без него, – а, врать так врать! – я с места не сдвинусь. Так что придется ждать по крайней мере до того часа, когда я его изловлю…

Что, понятное дело, до утра никто делать не собирался.

Надо отдать должное леди Руне: она не стала больше угрожать, злиться и требовать немедленной поимки злокозненной твари. Видимо, наличие демона ее здорово испугало. Она сразу согласилась немного подождать, тем более что тепло очага успело слегка разморить позднюю гостью, и женщина милостиво согласилась дождаться рассвета.

В путь мы пустились, едва небо чуть-чуть порозовело. Полночи мне не спалось – я ворочался в постели так и эдак, то пытаясь вспомнить, чем так знаменит замок Беркана, то мучаясь над решением деликатного вопроса: как бы намекнуть леди Руне, что она немного ошиблась и приняла меня за другого. Несомненно, мэтр Йож Белла подошел бы для ее целей намного лучше: мало того что он был старше и опытнее, он еще и близко знал графа Лихошву и был больше осведомлен о том, кто и кому оказывал «специальные услуги». А вдруг там, куда меня приглашают, есть люди, знающие настоящего мэтра Йожа в лицо? Что будет с самозванцем? Интуиция яростным шепотом подсказывала, что ничего хорошего ждать не приходится. Ибо герцоги Беркана достаточно могущественны, чтобы иметь «личного» некроманта – так сказать, узкого специалиста по семейным и политическим конфликтам…

Ой, вспомнил! Замок Беркана был знаменит одним из самых крупных некрополей в стране и за ее пределами. От Рифейских гор до Иллирии это был самый большой некрополь, целый храмовый комплекс, занимавший одно крыло старинного, много раз перестраивавшегося замка и примыкавшую к нему часть парка. Студентов водили на экскурсии именно по парку, разрешая лишь издали смотреть на вход в некрополь. Некромантов, которым была оказана честь переступить его порог, можно было пересчитать по пальцам. Неужели скромный провинциал Згаш Груви удостоится чести увидеть знаменитое сооружение?

«Увидит! Причем изнутри! – Мрачная мысль прогнала сон. – И останется там надолго. До конца…»

Невеселые перспективы не давали покоя. Чем больше думал над предстоящим делом, тем меньше мне оно нравилось. Зачем леди Руна в одиночку примчалась в такую даль? Почему мэтру Йожу понадобилось срочно уехать в неизвестном направлении? Связано ли одно с другим? Что это за «спецзаказы», на которые он был большой мастер? Сколько вопросов – и ни одного ответа! И что-то мне подсказывало, что ответы искать не стоит.

Весь в мрачных раздумьях, я спустился на кухню, зажег несколько свечей и принялся шарить по углам в поисках вина и еды. Вина больше отыскать не удалось – наверное, остальное было спрятано в погребе, но нашлась початая бутыль домашней наливки. Правда, прочие припасы оказались основательно подъедены – обнаружились только хлеб и сыр, которыми вполне можно было позавтракать. Через некоторое время ко мне присоединился Зверь, усевшись на стол рядом. Он явно был сыт – на предложенный кусок сыра даже не взглянул.

– Что смотришь? – обратился я к коту. – Думаешь, мне не стоит ехать? Думаешь, все это подозрительно? Но я же некромант! Если бы тут был мэтр Белла, поехал бы он, а раз его нет… Мало ли что происходит в замке Беркана!

– Мф-ф…

– Думаешь, не справлюсь? Мэтр Белла был специалистом, а я…

– Мэу. – Зверь раздраженно дернул хвостом.

– Думаешь, стоит с ней поговорить? Мол, объясните все начистоту, иначе я никуда не поеду?

– Вижу, вы уже встали.

Голос, раздавшийся за спиной, мог напугать кого угодно, даже некроманта. Не думал, что леди может ходить так тихо! Счастье, что она не собиралась нападать.

Моя гостья была полностью одета, хотя в костюме и чувствовалась небрежность – такое впечатление, что спала она не раздеваясь. Подойдя к столу, она взяла стакан с наливкой из моей руки и сделала большой глоток, закашлявшись. Ну да, наливка из диких кислых яблок. Наверняка она просто не привыкла к таким напиткам.

– Вы готовы ехать?

– Прямо сейчас? – Чувство времени подсказывало, что до рассвета осталось никак не меньше часа.

– Да. Я не желаю терять ни минуты. Как представлю себе, что было в замке этой ночью…

Ее передернуло. Страх в голосе был неподдельным, и я вздохнул и пошел собираться.

Молодой мужчина лет тридцати, склонившись над столом, что-то писал, с преувеличенным тщанием выводя буквы. Он не обернулся на тихий скрип отворяемой двери.

– Чуть свет – и за дела? – мягко улыбнулся вошедший.

– Я еще не ложился. – Мужчина подавил зевок и протер глаза, крепко зажмурив их на несколько секунд.

– Это плохо. Вам так нужны силы…

– Не беспокойтесь, пра. – Еще несколько раз моргнув, мужчина встал, отложив перо, и подошел к окну. С усилием отдернул тяжелые шторы, впуская серый рассвет. – Я еще успею отдохнуть. Не забывайте – в моем положении вообще не чувствуют усталости!

Он усмехнулся своим мыслям, отворачиваясь к окну, чтобы собеседник не заметил выражения его лица.

Глава 5

Замок Беркана строился в те времена, когда каждый владелец подобного поместья мог подвергнуться атаке со стороны врагов. Древние стены видели все: отчаянные стремительные штурмы и долгие осады, веселые праздники и похоронные процессии, смертную казнь преступников и торжественные королевские обеды, пиры и развлечения, и долгие зимние вечера, когда совершенно нечем себя занять. С каждым поколением замок немного менялся: что-то разрушалось, что-то надстраивалось. Сейчас его можно было назвать городком – за крепостной стеной находились часовня, конюшни, большой некрополь, предмет особого внимания некромантов, сад, кузни, хлевы, небольшая турнирная площадка, казармы для рядовых рыцарей, десяток домов, где обитали замковые слуги, гостиница для проезжающих, лечебница, мастерские и плац для тренировки рыцарей и пехоты.

Сам замок стоял на плоском холме, к которому вела широкая проселочная дорога. У подножия холма раскинулось небольшое поселение наподобие Малых Звездунов. Поблизости было еще два города. Один – на соседнем холме – именовался Брезень. Он был равен Добрину, и невольно возникал вопрос – почему же герцогиня отправилась за специалистом-некромантом в соседнее воеводство? В чем дело? Только ли в том, что мэтр Йож Белла работал исключительно по «спецзаказам»?

Мы провели в пути почти два дня: дороги, раскисшие от весенних дождей, оставляли желать лучшего. Хорошо еще, что ни одна из лошадей не потеряла подкову – пока искали бы кузнеца да пока он подковывал бы коней заново, пришлось бы потратить много времени.

К замку подъезжали в сумерках. Леди Руна выпрямилась в седле, придав лицу спокойное и даже безмятежное выражение.

– Никто не знает и не должен знать, что я примчалась за вами в Добрин, мэтр Белла, – произнесла она, сдерживая бег своего коня, крупного породистого мерина. – Для всех и каждого в замке я посещала свою кормилицу – она с некоторых пор удалилась от двора и живет с мужем в детинце…

Я присвистнул. В любом детинце любого города имели право селиться только знатные люди. Хотя да, кормилица герцогини и не могла быть простой хуторянкой.

– Вы оказались в городе случайно, проездом, – продолжала поучать меня леди. – Даже можно сказать, что вы приехали по делам к местному некроманту, но он оказался в отъезде и вам просто некуда было пойти…

Я тихо фыркнул. «Некуда пойти!» Скажет тоже! Да стоит мне переступить порог храма Смерти, и монахи-«смертники» просто обязаны будут предоставить мне стол и кров.

– Как бы то ни было, мы встретились случайно, – закончила свою мысль женщина, – и я по доброте душевной пригласила вас погостить немного в замке. Вы ведь хотели поближе взглянуть на наш знаменитый некрополь?

А кто ж из некромантов не хочет? Да за шанс прикоснуться к его таинствам я готов назваться каким угодно именем! А если выяснится, что моя «работа» как-то с некрополем связана…

– Для всех вы просто гость замка. То есть не совсем для всех. – Леди чуть замялась. – Я потом скажу, кому из моей родни можно доверять…

Ого! Становится интересно! Но вслух я ничего не сказал.

За разговором мы проехали деревню и, прогрохотав копытами коней по навесному мосту, оказались перед воротами. Мостов было два: один постоянный, каменный, с барбаканом[11] впереди – даже не барбаканом, а целым двухэтажным домом, – относительно новый,

[11] **Барбакан** – надвратное оборонительное укрепление, небольшая башня с бойницами для лучников.

был перекинут через ров и соединялся с мощенной камнем дорогой, поднимающейся по склону холма собственно к замку. Там имелся второй мост, временный, который поднимался и опускался на толстых цепях и служил одновременно и воротами.

Возле внутренних ворот нас впервые приостановили стражники.

– Госпожа герцогиня? А кто это с вами?

Я слегка напрягся. Ну да, выгляжу вовсе не как воин с картинки и тем более не как некромант с большой дороги. Обычно «наших» рисуют во всем черном, чтоб длинные волосы развевались по плечам, под отороченной мехом курткой виднелась кольчуга, руки в кожаных крагах сжимают меч, наборный пояс с серебряными бляхами, амулет на груди, все такое… Или, наоборот, нечто худое и бледное, с красными глазами от постоянного недосыпа, злое на весь мир по той же причине, в заляпанном чужой кровью мешковатом балахоне, в одной руке кинжал, в другой череп… В общем, ни того ни другого. «Рабочая» мантия спрятана в вещмешок, амулет убран под куртку, ритуальный кинжал, пока он в ножнах, не отличишь от обычного оружия. Правда, на боку висит меч, а на плече сидит черный кот…

– Это мой спутник, мэтр Белла, – промолвила моя спутница.

Стража тут же потеряла к вновь прибывшему интерес.

Позвольте не описывать замок – это долго, нудно и неинтересно. Скажу лишь, что он был раза в два, если не в три крупнее замка графов Байт и тем более больше ратуши, бывшей резиденции графов Мас. По самым скромным подсчетам, здесь кроме прислуги могло разместиться свыше пяти десятков человек, не считая детей и воинов.

– Мэтр Белла, – шествуя впереди меня по коридорам и галереям, сообщила леди Руна, – никто из посторонних не должен знать, зачем вы здесь на самом деле.

– Что, больше вообще поговорить нельзя ни с кем? – на всякий случай решил уточнить я.

– О том, что происходит, так или иначе знают все в замке. – Моя спутница даже приостановилась. – Но если вы узнаете что-то новое… что-то странное или подозрительное, что-то… необычное… ну вы понимаете? Вы должны рассказать об этом либо мне, либо тому человеку, которому я вас представлю чуть позже. И больше никому!

– Понятно! – кивнул я.

До ужина оставалось не так много времени – я успел лишь сбросить верхнюю одежду и нацепить парадную рубашку, то есть единственную приличную вещь в гардеробе. Вот не было в планах обедать с высокопоставленными особами! И хотя мой названый брат Анджелин Мас был графом, он же был «своим», при нем можно было не выпендриваться. А тут…

Я не без некоторого трепета переступил порог большого зала, озаренного светом факелов. Как во всех старинных замках, в эту пору года тут было достаточно прохладно, и я пожалел, что не накинул на плечи плащ.

Слуги суетились, заканчивая расставлять на столах обильное угощение. Вспомнив, как питался последние дни у госпожи Труды, я ощутил, как к горлу подкатил комок. Хоть наемся! Кот, так и сидевший у меня на плече, напрягся, запуская когти под кожу.

– Руна!

Радостный возглас заставил всех обернуться в сторону нашей пары. Большая часть обитателей замка собрались возле четырех кресел, стоявших полукругом у большого камина. Несколько молодых мужчин стояли подле, девушки и подростки сидели на низких скамеечках и подушках. Одна из женщин проворно вскочила и бросилась навстречу:

– Ты уже вернулась?

– Да. Не смогла, знаешь ли, оставить вас в такое время!

– Сэр герцог будет рад. – Молодая женщина взяла леди Руну за руку и повела к камину.

На меня не обратили внимания, чему, откровенно говоря, я был рад. Ибо в тот момент, когда мои глаза нашли эту женщину, мир словно померк. Лица собравшихся слились в одно

светлое пятно, голоса звучали неясным гулом, и только она оставалась в центре внимания. Пришлось хорошенько ущипнуть себя за ляжку, чтобы как-то взбодриться и сосредоточиться. Но взгляд сам собой раз за разом возвращался к прекрасной незнакомке.

– Милорд!

Леди Руна склонилась в почтительном поклоне перед осанистым мужчиной лет шестидесяти. Его лысеющая голова была почти седой, он не производил впечатления могучего воина, но столько спокойствия и властности было в нем, что не узнать герцога Беркану было невозможно. Он был в трауре, как и немолодая женщина, сидевшая в соседнем кресле.

– Руна, – повторил герцог, – что-то ты быстро вернулась!

– Я не могла долго оставаться вдали от вас. – Молодая герцогиня почти слово в слово повторила то, что сказала раньше. – У меня на душе было неспокойно… Кроме того, я приехала не одна. Позвольте представить – мэтр Белла.

Шагнув вперед, я отвесил поклон, исподтишка рассматривая остальных. Конечно, простой провинциальный некромант – не такого полета птица, чтобы его знакомили с членами одного из самых древних родов страны. Но все-таки неплохо было бы знать, кто из собравшихся братья и сестры леди Руны, а кто – дальние родственники или просто гости. Увы, мне никто ничего не объяснил. Герцог Беркана смерил меня взглядом, задержав свои пронзительно-синие глаза на коте, и кивнул дочери – мол, оценил и одобрил.

Возникший рядом майордом провозгласил, что ужин готов. Герцог встал, подал руку юной девушке лет восемнадцати – двадцати. Она была в трауре, и ее заплаканное лицо яснее ясного говорило, что утрата постигла ее совсем недавно. Она почти повисла на руке старого лорда. Видно было, что ей больше всего хочется остаться одной. Другие мужчины предложили руку леди Руне, ее матери и женщинам – всего их было шестеро. Остальные – тут собралось почти два десятка человек, считая и подростков, – поспешили к столу, не особенно считаясь с этикетом. *Ту* девушку пригласили сразу двое, заставив мое сердце сильнее биться от безотчетной ревности.

Ужин был вкусным. Позавчерашний день я практически ничего не ел, следующие два провел в седле, а до этого был принужден давиться овощами с овсянкой, так что сейчас наверстывал упущенное, налегая на жаркое, тушеную рыбу и хлебы с медом и сырами. Хорошо быть герцогом! Зверь тоже получил свою порцию. Ссадив кота с плеча, я исподтишка кидал ему под стол куски мяса. Рядом вертелись собаки, ловившие кости и объедки, но ко мне не приближались, достаточно было черному котяре один раз вздыбить шерсть и прорычать что-то вроде: «Гр-ру-у-у», замахнувшись лапой.

Застолье не затянулось – уже через несколько минут молодая женщина в трауре, испросив прощения, удалилась из-за стола, провожаемая сочувствующими взглядами. После ее ухода разговоры, и без того негромкие, смолкли совершенно. Даже подростки вели себя чинно и пришибленно, и я от души порадовался, когда герцог Беркана встал, давая понять, что и остальным можно расходиться.

Но этот знак явно подавался не для приезжего некроманта, ибо стоило всем встать, как леди Руна кивнула мне головой:

– Мэтр Белла!

Чуть было не забыв, что играю чужую роль, я подскочил и рванулся навстречу:

– Чем могу быть полезен?

– Нам надо поговорить!

Герцог Беркана, гордо неся голову, тем временем удалился из зала, и мы с герцогиней последовали за ним. Нас провожал паж с факелом в руке – в коридорах было уже довольно темно.

Поднявшись по крутой узкой лестнице, герцог переступил порог погруженного в сумрак кабинета и уверенно опустился в кресло, пережидая, пока паж не зажжет свечи. Леди Руна встала возле кресла отца. Некроманту присесть не предложили.

Некоторое время все молчали.

– Ваше имя? – нарушил тишину лорд.

– Э-э… Йож. Мэтр Йож Белла, ваша светлость, – ответил я.

– Я прекрасно знаю, что Руна не ездила ни к какой кормилице в Брезень, – произнес герцог. – Я знаю, куда и зачем она отправлялась, и рад, что поездка завершилась удачно. Вы знаете, зачем вы здесь?

– Нет.

– Вот как? Вы прибыли сюда, мэтр Белла, не удосужившись узнать, из-за чего приглашены?

– Я – некромант, ваша светлость. Вряд ли ваша дочь этого не знала, когда пускалась в путь. Следовательно, трудно предположить, что ваша проблема не имеет отношения к моей профессии.

– Что ж. – Старый герцог посмотрел на камин. Судя по золе и углям, днем его топили. – Вас рекомендовали как специалиста, который может решить любую проблему, не задавая лишних вопросов. Очень надеюсь, что это так!

– Моим заказчикам виднее, – пробормотал «специалист». В том, что мне по силам абсолютно любая проблема, еще были сомнения, но в том, что кое-какой опыт имеется, никто не сомневался. – А что случилось у вас?

– Робер Беркана, – поджал губы герцог Беркана. – Наследник имени и титула. Брат Руны. Он…

– Погиб при трагических обстоятельствах, – негромко произнесла леди Руна дрогнувшим голосом.

– Мне очень жаль, что вы лишились единственного сына, ваша светлость, – почтительно понизив голос, пробормотал я.

– Робер мне не сын, а племянник. – Герцог поджал губы и отвернулся к камину. – Как и Руна. Их отец скончался двадцать лет назад, немного не дожив до тридцати двух лет…

– Прошу меня извинить…

– И у меня вообще нет жены и детей, – перебил его светлость.

– Но а как же… – Насколько помню, в пиршественном зале присутствовали по меньшей мере восемь молодых людей, которые по возрасту вполне могли считаться сыновьями старого лорда. Старшему было на вид около тридцати, младшему – восемнадцать.

– Это мои родственники. Дети моих братьев, кузенов и сестры, а также юные воспитанники, в чьей судьбе я принимаю участие. Мои братья скончались рано, я взял на себя заботу об их детях, и они до сих пор живут в замке, как и дети моих покойных кузенов. А сын моей сестры приехал с сестрой и супругой, чтобы поддержать в трудную минуту… когда пришла весть о смерти Робера.

– Ваш племянник погиб не здесь?

– Нет. Он отправился ко двору принца-наследника. Что произошло там, нам не сообщили, но внезапно пришла весть о смерти мальчика. Его убили. Но убили так жестоко и… страшно, что тело доставили в закрытом гробу. Мать была лишена возможности в последний раз взглянуть на сына…

– Это очень печально, – пробормотал я. – Примите мои…

– Гроб с телом был установлен в некрополе, – как ни в чем не бывало перебил меня старый герцог.

Видно было, что он настолько привык держать себя в руках, что даже такая трагедия не способна выбить его из колеи. Кстати, и леди Руна держалась намного лучше сестры,

потерявшей единственного родного брата. Та девушка в трауре, что убежала из-за стола, рыдая в три ручья, явно скорбела сильнее.

– Собственно, в этом нет ничего удивительного или шокирующего: в нашей семье часто умирают молодыми. Наследственность, так сказать… Но некоторое время спустя стали происходить странные вещи, – продолжала леди Руна. – В замке начали…

– Начали находить трупы, – досказал ее дядя.

– Та-ак, – внутри понемногу просыпался охотничий азарт, – с этого места поподробнее.

– К чему подробности? С некоторых пор не проходит и ночи, чтобы кого-нибудь не убили. Пока жертвами злых сил становятся лишь слуги и стражники. За две с половиной седмицы было убито около дюжины человек!

– Понятно. А скажите, это началось через сорок дней после похорон сэра Робера?

Герцог и его племянница переглянулись:

– Примерно…

– Мне все ясно, ваша светлость. – Я позволил себе улыбку. – Диагноз ясен. Это…

– Нет, вам ничего не ясно! Это происходит в замке! В самом замке! А еще иногда слышатся голоса… какие-то звуки… и ну, в общем происходят странные вещи.

– И здесь все понятно. Нет такого замка, где не водились бы привидения!

– В замке Беркана никогда – слышите, *никогда!* – не было ничего подобного! И, что бы там ни было, мэтр Белла, вы должны сделать все, чтобы это больше не повторялось!

Мне пришлось ущипнуть себя за ляжку, чтобы скрыть улыбку. Больше чем уверен, что всему виной упырь. Но упырь необыкновенный – ведь вряд ли кто-то сознательно станет нарушать обряды при похоронах герцогского племянника. Значит, смерть молодого Робера не была вызвана естественными причинами. Да, его убили, и наверняка с помощью магии. Но кто и зачем?

Итак, мне несказанно повезло – побывать в старинном некрополе, которому более пятисот лет! Что может быть милее сердцу настоящего некроманта? Живут же лю… ну не совсем люди и не совсем живут, но все-таки!

Дело на первый взгляд представлялось простым – надо упокоить упыря. Но возникло два «но». Первое – почему пригласили «специалиста» издалека? Сильно сомневаюсь, что в Брезене нет своих некромантов. Есть, и не один! Да и возле некрополя тоже постоянно должны находиться представители этой профессии – ведь старинное сооружение привлекает их к себе, как мух – труп лошади. Если не постоянный «сторож», то какие-нибудь дежурные. Упокоить упыря – это уровень студента-третьекурсника, с ним справится любой, если на занятиях он не ворон ловил, а делом занимался. Но нет – пригласили специалиста со стороны, причем особенного. Йож Белла, за которого меня принимают, работает только со «спецзаказами» и не задает лишних вопросов. К нему предложил обратиться лорд Лихошва. И это второе большое «но». Что из этого следует? А то, что дело тут нечисто. Работа наверняка предстоит грязная. Эх, знать бы еще, что связывало лорда Лихошву с настоящим Йожем Беллой! Многие знания – многие печали, но отсутствие знаний иногда оборачивается гораздо большей бедой.

Неудивительно поэтому, что к своему первому – и почему-то кажется, что далеко не последнему! – визиту в некрополь я готовился со всем тщанием. Под куртку надел кольчугу, к поясу прикрепил кошель с активированными амулетами, задействовав почти весь свой запас, прихватил меч и ритуальный нож, а также свечи, мел и справочник заклинаний.

Само здание было красивым – высокие ступени, стройные колонны, острый шпиль кровли и многочисленные барельефы, покрывавшие стены сверху донизу. Вопреки тому, что изначально это было место последнего упокоения, все в нем словно стремилось ввысь.

Уже на крыльце меня догнал негромкий мяв, и в следующий миг четыре когтистые лапы впились в ягодицы. Не обращая внимания на мой протестующий вопль, черный кот взобрался на плечо и устроился там, для надежности крепко держась за рубашку.

– Скотина, – с чувством высказался я, потирая пострадавшую задницу. – Как-нибудь без членовредительства нельзя?

– Мф-ф, – презрительно скривился котяра.

– Ладно… Со мной захотел?

– Мр-рым. – Ответ явно утвердительный.

– Ну хорошо. – Я вовремя вспомнил, что передо мной не совсем обычный кот, и запрятал свое раздражение куда подальше. – Пошли. Только – чур! – во всем меня слушаться и ни на шаг в сторону! А то там всякие разные шастают…

Вместо ответа кот замурлыкал. И под его умиротворенное урчание я и вступил в некрополь.

В центре круглого зала, куда я поднялся по ступеням, возвышалась статуя Смерти, у подножия которой лежали дары. Значит, хотя бы один «смертник» тут имеется. Уже хорошо. Невольно замедлив шаг, вгляделся в лицо жены и сосредоточился, пытаясь почувствовать ее присутствие. Странно… Ничего! Совсем ничего! Ау, дорогая, где ты там?

Ладно, не хочет отвечать – и не надо.

За спиной статуи в стене открывался проход – крутые ступени широкой лестницы вели вниз. Наверху горели два факела, озаряя ее начало, а конец терялся во мраке. Пришлось прихватить один факел. Что может быть нелепее, чем некромант, споткнувшийся в двух шагах от своего рабочего места? Конечно, можно подключить ночное зрение, но неохота пока растрачивать силу по пустякам. Кто знает, как все обернется?

Внизу было холодно и ощутимо пахло смертью. То есть не тленом и запахами разлагающейся плоти, а тем неуловимым духом, который могут чуять именно некроманты. И тут, как ни странно, ощущалось присутствие кого-то или чего-то постороннего. Отлично! Вот где ты прячешься, упырь!

Подготовка заняла несколько минут. Приткнув факел в пустое гнездо и затеплив от него несколько свечей, приступил к делу. Некрополь представлял собой просторный подземный зал с неожиданно высокими потолками, поддерживаемыми двумя рядами колонн. Между ними вдоль стен стояли в нишах саркофаги, на стенках ниш просматривались барельефы и надписи, свидетельствующие о тех, кто и когда тут захоронен. Я прошелся туда-сюда вдоль рядов, читая надписи и прислушиваясь к себе. Нет, активность на нуле. Даже лезвие ритуального ножа лишь чуть-чуть посветлело.

Выбрав место, начертил защитный круг, усадил в центр Зверя, разложив рядом книгу, амулеты и оружие. Уже замкнув контур, находясь внутри, нарисовал, стараясь ориентироваться по сторонам света, восемь защитных рун. Понятия не имею, какой толк от руны «свет» под землей, но лишней она явно не будет. Кстати, чтобы вы знали, существует две руны с таким значением: одна обозначает свет солнца (день в переносном смысле), а другая – именно что все светлое и доброе. Вторая в исполнении некромантов не действует, а вот первая – универсальна. Ею и воспользовался.

Кот, обвив лапы хвостом, внимательно следил за моими манипуляциями. Закончив приготовления, я устроился поудобнее рядом с ним, положив меч на колени и присев так, чтобы в случае чего мгновенно вскочить.

– Вот так. Теперь будем ждать!

И потянулись томительные минуты. Чего, собственно, ждать, я совершенно не представлял. Наивно было предполагать, что именно сегодня мне выпадет удача встретиться с упырем, который ночами шастает по замку. Нет никакой гарантии, что, пока его ждут тут, он не охотится за очередной жертвой там, наверху. Хотя если учесть, что упырь – нежить, а

любая нежить чувствительна к магии, его не могли не привлечь мои манипуляции. Он должен прийти! Просто обязан! Если вообще придет…

Минуты тянулись медленно. Воск заговоренных свечей тихо таял. Самое паршивое, что заменять их нельзя. Когда прогорит хотя бы одна, придется гасить их все, деактивировать защитный круг и чертить новый – или удирать, сверкая пятками, если за отмеренное время не успел прикончить всю скопившуюся вокруг нежить.

…Ну сколько его можно ждать? Вот ведь вредный упырь пошел! Ты тут сиди, на холодном камне задницу отмораживай, а он будет лежать себе, дрыхнуть… Между прочим, магия защитного круга может активизировать остальных покойников, а мне только нашествия разупокоенных умертвий не хватало! Нет, конечно, я их уложу обратно одной левой – некромант я или как? – но потрачу время и силы.

От скуки на ум сами собой пришли слова студенческой песенки:

Не буди меня,
Ну пожалуйста!
А не то богам
Я пожалуюсь.
И тогда тебе
Боги отомстят —
Упыри, как все,
Тоже спать хотят…
Ты меня не буди,
Не ругай горячо!
Я от прошлой волшбы
Не остыла еще.
И румянец, поди,
С моих щек не сошел.
Ты меня не буди —
Мне и так хорошо!

Не тверди ты мне
Заклинания.
Жертв не приноси
На заклание!
А не то башку
Оторву сейчас!
Знаешь или нет
Ты, который час?
Ты меня не буди,
Не ругай горячо!
Я от прошлой волшбы
Не остыла еще.
И румянец, поди,
С моих щек не сошел.
Ты меня не буди —
Мне и так хорошо!

– Ы-ы-ы-ы…

Низкий хриплый рык-стон мог вогнать в холодный пот и более закаленную личность, чем прошлогодний выпускник Колледжа Некромагии. Зверь взвился, распушившись в ощетинившийся когтями меховой шар с хвостом.

Голос у меня не самый лучший и не самый громкий, но вопль, который мне удалось «родить», наверняка заставил бы петухов на поверхности скончаться от зависти на месте. Одновременно с этим я подпрыгнул, наступив на хвост коту, чуть не выронил меч и наподдал ногой аккуратно уложенные вокруг амулеты. Издалека послышался шорох шагов и хриплые звуки, которые можно было принять за простуженное дыхание, – если бы мертвые были способны дышать. Одновременно накатила волна ужаса, парализующего тело. Я с трудом смог принять боевую стойку, во все глаза уставившись на медленно выплывающую из темноты фигуру. Лезвие ритуального ножа в левой руке вспыхнуло ярко-зеленым огнем, осветив бредущую на меня из мрака фигуру. При жизни это был человек чуть выше среднего роста, крепкого сложения. Черты его лица еще не утратили полностью индивидуальности, и можно было сказать, что ему на момент смерти было около тридцати лет.

– ТЫ-ы-ы-ы…

Кот у моих ног тихо зарычал. Я одними губами начал начитывать заклинание, создавая дополнительный щит. Вот сейчас умертвие подберется ближе, и я его… Тут главное – нанести первый удар. Есть несколько способов упокоить упыря – от простой нейтрализации до превращения его в пепел. Что-то мне подсказывало, что семейство Беркана не одобрит второй вариант, так что придется… Эх, осину-то я и не приготовил! Ну да ничего, можно его парализовать до завтра, а тем временем порыскать по округе и настрогать колышков.

– Ты-ы-ы… а-а-а-а-а…

Упырь не стал тратить время на хождение вокруг да около, а сразу кинулся навстречу, едва оказался в пределах досягаемости. Произошло это так быстро, что я даже заклинание дочитать не успел – шарахнул сгустком чистой неоформленной энергии, от которой умертвию по большому счету было не жарко и не холодно.

Зато по полу его размазало знатно: рухнув на спину, мой противник еще и проехался немного, размахивая конечностями.

– Ага! Не нравится!

– Гаа-а-ад…

– Что? Ой…

Это мне мерещится или как? Но барахтающийся на полу упырь действительно произнес слово? Стоп! Упыри же не разговаривают! Одно из отличий живого и мертвого как раз и состоит в том, что мертвецы немы. Неужели я ошибся?

Упырь все-таки встал – не так быстро, как мог бы, но все-таки…

– Га-ад, – протянул он, пошатываясь, – ну и га-а-а-ад…

Убейте меня кто-нибудь! Он разговаривает!

– Ты-ы-ы… знаа-аешь, ко-о-оторый ча-а-а-ас? – растягивая слова, поинтересовался упырь.

– Че…чего?

– Вре-э-эмени ско-олько-о-о…

– Еще спросили бы, как пройти в библиотеку. В два часа ночи…

– Полу-у-у-у-уночи еще нее-э-эт, – помотал головой упырь, – а о-о-он тут разора-а-ался… Ни го-о-о-олоса, ни слу-у-у-уха…

– Вам что, не понравилось, как я пою? – дошло до меня. – Но это же студенческий фольклор!

– Кошма-а-ар, – простонал странный собеседник. – Еще и студе-э-э-энт…

– Не совсем! Я в прошлом году Колледж закончил. С обычным дипломом, без отличия, потому что пару предметов не сдал вовремя… Но опыт работы уже есть!

– Как зовут?

Врать нежити – себе дороже. Потусторонние сущности «видят» живых другими глазами и не пользуются привычными органами чувств. Но и правду-матку резать тоже как-то неохота.

– На самом деле мое имя Згаш Груви, но здесь меня знают как…

– Не-э-эт, – он помотал головой, обхватив ее руками, – не слы-ышал!

– А что? – В душе внезапно проснулось любопытство. – Вы были с кем-то знакомы? Из «наших»?

– А как же. – Голос умертвия как-то странно дрогнул. Он выпрямился, и жутким зеленоватым огнем блеснули его глаза. – Кто-то же посту-у-упил со мной та-ак…

Очень тихо и осторожно я отвел руку с ножом в сторону. А кистью другой сделал несколько пассов, выпуская в сторону собеседника опознавательное заклинание. Новейшая разработка. Вычитал, кстати, зимой в присланном из столицы ежемесячном журнале «За новую смерть!». Мне еще ни разу не приходилось применять эту формулу на практике, и вышло довольно коряво, но зато…

Ох, мама дорогая! Над этим человеком действительно хорошо поработал некромант. Не скажу, что это был «материал для опытов», но то, что в гроб он был положен еще живым, а перед этим перенес самые настоящие магические пытки, было ясно.

– Но за что? – вырвалось у меня.

– Не скажу-у-у…

Ну, это понятно! Наверняка в него вложили дополнительную программу подчинения «хозяину»-создателю. Но то, что сделал один некромант, может легко переделать другой.

– Слушай меня! Подчиняйся мне! Повинуйся мне! Именем Тьмы и Смерти! Именем бесов и Бездны! Из мрака пришедший – склонись! – забормотал я стандартную формулу, свободной рукой выписывая пассы.

Умертвие дернулось всем телом, словно оно внезапно почувствовало боль от удара. Завершив подготовку, рывком выдернул из-за пазухи амулет гильдии. Встроенная в него защита от вредоносных сущностей активизировалась, и мой собеседник рухнул на пол, дергаясь и извиваясь. Я «держал» его сразу пучком активных заклятий, дожидаясь, пока он устанет сопротивляться.

– За что? – наконец простонал он. – За что?

– Назови мне имя своего создателя!

– Не зна-а-ааю…

А ведь, кажется, это правда! Действительно не знает! Вон как его корежит! Одно из заклятий, которым я его спеленал, было заклятие подчинения. У нежити как таковой отсутствуют душевные качества – неживые сущности просто не могут противостоять некоторым чарам. А что это значит? Одно – его явно принесли в жертву, не заручившись согласием. Скорее всего, этот человек до последнего не догадывался, кто и что с ним собирается делать.

– Отпусти-и-и… – стон, переходящий в вой.

Рывком руки порвал туго стягивающие умертвие заклятия, и тот растянулся на полу.

– За что? – простонал он в третий раз.

Мне было жалко этого человека – он явно не был добровольцем и пал жертвой чужих амбиций, – и я ответил:

– Прошу прощения, сэр Робер, но…

Превращение произошло мгновенно: умертвие перестало стенать и встрепенулось, приподнимаясь на дрожащих руках.

– Чье имя ты-ы-ы назва-а-ал?

– Ваше, сэр Робер Беркана…

Обычно этот прием действует безотказно – воспоминание об имени способно восстановить целостность личности. Тем более у такого умертвия! Я уже понял, что передо мной был вовсе не классический упырь, а существо высшего класса – скорее всего, лич. Хотя считается, что личи получаются из умерщвленных особым способом магов – лучше всего, если это будет некромант! – но вот незадача: пусть в остатках ауры и было заметно наличие у него при жизни магических способностей, личность идентифицировать это вряд ли поможет.

– Робе-эр Берка-а-а-ана… – Обитатель этих мест выпрямился, покачнувшись. – Не зна-а-аю тако-ого и-и-имени…

– Но при жизни…

– При жизни меня-а-а-а звали не та-а-ак…

Называется, приплыли.

– Вы не Робер Беркана, сын владельца этого замка?

– Не-э-эт…

– А где Робер?

– Не зна-а-аю…

– Вы с ним были знакомы?

– Не зна-а-аю…

Час от часу не легче. Выходит, где-то произошла ошибка. Хотя немудрено – гроб доставили в замок закрытым, наверняка его вообще не открывали с тех пор, как положили тело. Но почему подмена имела место? Что-то ситуация перестает мне нравиться.

– А сам-то ты кто? Как зовут?

И вот тут началось нечто невообразимое. Умертвие изогнулось назад так, словно у него не было позвоночника. Потом его швырнуло на пол, тело несколько раз перекатилось туда-сюда, беспорядочно дергая конечностями. Потом сделало попытку подпрыгнуть до потолка, встать на голову, завязаться узлом…

Несколько минут я, вытаращив глаза, смотрел на это представление. Что за припадок? С чего бы это? Нет, известно с чего: на трупе и двоечник почувствовал бы мощные запирающие чары, которые не давали ему раскрыть рот. Тот, кто накладывал их, был мастером своего дела – он ловко привязал чары к собственно некромагии. Та же сила, которая подняла труп, питала и запирающие чары. Одно служило основой для другого, и порвать эту связь было нельзя. Глухой стон боли и муки сопровождал каждое движение умертвия, и, клянусь, в какой-то миг мне даже стало его жаль.

– От…от-пус-с-сти…

До меня не сразу дошло, что он имеет в виду. А когда понял, поднял руку в отвращающем жесте.

…Клянусь богами земными и небесными, как же не хотелось этого делать! Передо мной был лич – умертвие, сохранившее после смерти часть своей личности! Обычно считается, что личи получаются из магов, которые умерли не своей и явно насильственной смертью, часто с «помощью» других магов. Кстати, это одна из причин, по которой некромантов и недолюбливают – дескать, они вполне способны обречь врагов на участь худшую, нежели смерть. Ну да, такие разработки велись, но…

Задумавшись, я отвлекся и опомнился, лишь когда оформленная в сгусток энергии магическая формула упокоения улетела к умертвию. Я еще успел заметить сразу две грубые ошибки, но исправить уже ничего не смог. Чары накрыли жертву враждебного колдовства с головой, и жуткий рев потряс некрополь.

– Уу-у-у-убью-у-у-у!

Окутанное коконом магического огня, умертвие, раскинув руки, бросилось на меня. Защитный контур сдержал его натиск, но лишь на то время, которое мне было нужно, чтобы наспех подготовить второе заклинание. Выпущенное в упор, оно буквально размазало

умертвие по полу. Одновременно на меня обрушилось ответное заклинание такой мощности, что я не смог устоять на ногах. Кто бы ни был «автор» данного чуда природы, он вложил в свое творение мощный блок. Этого упыря что-то защищало от упокоения.

А вот меня больше ничто не охраняло, ибо ответное заклинание пробило в защите круга такую брешь, что нечего было и думать о том, чтобы ее залатать.

– А-а-а-ага! Попа-а-ался!

Взвыв, Зверь кинулся наперерез умертвию, черным пушистым шаром подкатившись под ноги атаковавшего порванный круг лича. В следующий миг кота отбросило в сторону, но секундной заминки хватило, чтобы я, цапнув меч, отмахнулся им, очерчивая новый круг. Пол под ногами вспыхнул зеленоватым светом. Волна прошла по выложенным мозаикой плитам, и со всех сторон послышался нарастающий треск и шорох.

Некрополь стремительно оживал. Но почему? Что такого произошло? Что я наделал? Не думаю, что сей эффект дала всего одна ошибка в атакующем заклинании… Или дело было в охранных чарах на самом умертвии? Они сработали, как защитный механизм, активирующий… что?

Когда-то в каком-то учебнике приходилось читать о чем-то схожем. Схожем настолько, что захотелось все бросить и кинуться в библиотеку – освежать знания. Но времени не было. Какова бы ни была причина, пробудившая несколько десятков покойников к жизни, счет времени шел на секунды.

С грохотом и треском отвалились и упали на пол сразу три крышки на ближайших саркофагах. Срывая остатки саванов, оттуда полезли довольно хорошо сохранившиеся тела – покойников положили в гробы от силы полгода назад. Ну может быть, год. Поверьте некроманту – я-то знаю, что говорю!

Меч описал полукруг. Навстречу ему двинулось, распарывая воздух, лезвие ритуального ножа. Они столкнулись с лязгом, выбив сноп искр.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.